

либерал

Лев Гудков

Возвратный ТОТАЛИТАРИЗМ

ТОМ 1

Лев Дмитриевич Гудков
Возвратный
тоталитаризм. Том 1
Серия «Либерал.RU»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67045194

*Возвратный тоталитаризм. Том I / Л. Гудков: Новое литературное
обозрение; Москва; 2022
ISBN 978-5-4448-1674-5*

Аннотация

Почему в России не получилась демократия и обществу не удалось установить контроль над властными элитами? Статьи Л. Гудкова, вошедшие в книгу «Возвратный тоталитаризм», объединены поисками ответа на этот фундаментальный вопрос. Для того, чтобы выявить причины, которые не дают стране освободиться от тоталитарного прошлого, автор рассматривает множество факторов, формирующих массовое сознание. Традиции государственного насилия, массовый аморализм (или – мораль приспособленчества), воспроизводство имперского и милитаристского «исторического сознания», импульсы контрмодернизации – вот неполный список проблем, попадающих в поле зрения Л. Гудкова. Опираясь на многочисленные материалы исследований, которые ведет Левада-Центр с конца 1980-х годов, автор предлагает теоретические

схемы и аналитические конструкции, которые отвечают реальной общественно-политической ситуации. Статьи, из которых составлена книга, написаны в период с 2009 по 2019 год и отражают динамику изменений в российском массовом сознании за последнее десятилетие. «Возвратный тоталитаризм» – это естественное продолжение работы, начатой автором в книгах «Негативная идентичность» (2004) и «Абортивная модернизация» (2011). Лев Гудков – социолог, доктор философских наук, научный руководитель Левада-Центра, главный редактор журнала «Вестник общественного мнения».

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	48
Ресентиментный национализм[11]	48
1. Идеологические основания путинского консерватизма	64
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Лев Гудков

Возвратный

тоталитаризм. Том I

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Фонд «Либеральная миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы активно содействовать развитию либеральной идеологии в России.

Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства.

Издательская программа Фонда знакомит широкий круг читателей с авторитетными исследованиями, которые посвящены последним достижениям либеральной мысли и перспективам либеральных преобразований в современной России.

Предисловие

Если рука не ранена, яд можно нести в руке.

Яд не повредит не имеющему ран.

Кто сам не делает зла, не подвержен злу.

Дхаммапада, 124

«Возвратный тоталитаризм» продолжает и завершает проблематику двух предыдущих книг – «Негативная идентичность» (2004) и «Абортивная модернизация» (2011). Все три книги объединены общей темой, позицией, методологией. Цель – описать процессы регенерации тоталитарного режима, понять причины этих явлений. Если в первых двух основное внимание было уделено причинам и факторам консервативного сопротивления модернизации в России, то статьи этой книги объединены поиском ответа на вопрос: «Почему в России не получилась демократия?». Или, другими словами: «Почему в России не получилось установить контроль общества над властными элитами?». Очевидный ответ: «Никто не хотел этого, не ставил такой задачи». Вытекающий отсюда вопрос: «Почему?» – единственно приемлемый вход в проблематику посткоммунистической России. На нем сходятся самые разные линии «исторической логики» эволюции страны: традиции насилия, отсутствия сознания собственного (человеческого) достоинства, а значит, потребности в свободе и ее защите, культура самодер-

жавия и страх перед последствиями революционных преобразований, массовый аморализм (или мораль приспособленчества), инерция институциональной структуры тоталитарного общества-государства, импульсы контрмодернизации, природа массового терпения, ресентимент и значимость имперского милитаризма, негативная селекция персонального состава правящей элиты и еще многие другие темы, которые следовало бы включить в общий список проблем, подлежащих научной разработке.

Статьи, составившие эту книгу, написаны за десятилетие, в 2009–2019 году. Они содержат анализ и интерпретацию результатов исследований массового сознания. Регулярные опросы общественного мнения, которые ведет «Левада-Центр» с конца 1980-х годов¹, указывали на то, что усиление авторитарного режима воспринимается скорее с одобрением, хотя и не всегда, и не всеми категориями населения. Периодически возникали ситуации (в 2005, 2009–2013, 2018 годах), отмеченные ростом недовольства и снижением поддержки «национального лидера», антипутинскими демонстрациями, но выраженного и сильного организованного политического сопротивления практически не было.

¹ До 2003 года этот научный коллектив именовался ВЦИОМ (Всесоюзный, после 1991 года – Всероссийский центр изучения общественного мнения). После того, как под давлением Администрации президента был уволен в нарушение всех действующих тогда законов директор ВЦИОМ Ю. А. Левада, все сотрудники ВЦИОМа перешли во вновь созданную некоммерческую организацию «Аналитический центр Юрия Левады» («Левада-Центр»).

В России утвердилось представление, что опросы общественного мнения – это и есть социология. В каком-то смысле это верно, поскольку следов работы других предметных социологов не видно или они настолько не интересны публике, что не образуют общественно значимого факта, то есть их нет в общественном сознании. Можно сказать, что общество в России табуирует и вытесняет из сознания наиболее важные для себя проблемы, связанные с некрозом морального сознания, возникшим вследствие непреодоленного прошлого. Как говорил В. С. Черномырдин: «Надо же думать, что понимать!».

Данные социологических опросов общественного мнения – не лучший материал для анализа социальных процессов. По определению это будут самые общие и тривиальные, «осадочные» мнения людей о происходящем, многократно пересказанные и проинтерпретированные представления о событиях настоящего и прошлого, функционировании социальных институтов или действиях политических акторов. Это всегда результаты деятельности СМИ, прошедшие сквозь призму групповых интересов, механизмов групповой идентичности, массовой культуры, фильтры массовых иллюзий и страхов. Конечно, есть возможность анализа собранных данных в разных плоскостях: по социально-демографическим группам (пол, возраст, образование, тип поселения, социальный капитал, политические установки, мобильность или ценностные ориентации и т. п.), но работа

только с подобного рода статистическими раскладками означает «слепое» классифицирование полученного на данный момент материала. Это еще не социология. Социологическая работа начинается тогда, когда мы включаем в анализ данных теоретические схемы их интерпретации и анализа, сами по себе не обусловленные этими данными, а вносимые при интерпретации в качестве скрытых предположений, гипотез, направленности анализа и др. А с этим в России проблема. Ни у социологов, ни у историков или антропологов, ни тем более у политологов нет теорий или концепций, которые могли бы служить инструментами анализа постсоветского социума, его структуры, разновременных пластов культуры, исторического опыта и т. п. Доминирующие в российских социальных науках подходы и концепции принципиально стерильны, тщательно избегают всего, что так или иначе не связано с интересами обслуживания власть имущих или может в каком-то отношении задевать их. Общество, включая научное сообщество, не готово к такой работе по разным причинам, в том числе из-за отсутствия соответствующей культуры, знаний, запросов, интеллектуальной трусости, оппортунизма и пр. Другими словами, у как бы «образованного сообщества» в России действуют те же установки, что и у массы: приспособление к настоящему, то есть самцензура или самокастрация специалистов в сфере социального и политического знания. Поэтому при нашем анализе данных опросов общественного мнения (исследований

«Левада-Центра») мы вынуждены восполнять отсутствующие дисциплинарные или профессиональные разработки в смежных областях собственными конструкциями.

Почему «тоталитаризм» и почему «возвратный»? У большинства исследователей и публичных деятелей с «тоталитаризмом» ассоциируются в первую очередь понятия террора, массовых репрессий, концлагеря, геноцид – уничтожение этнических групп или социальных классов, мобилизационная идеология, монополия одной партии, диктатор и тому подобные признаки нацистского и коммунистического государства. Нет смысла отрицать значимость этих представлений, равно как и с ходу отвергать позицию тех, кто считает, что это понятие устарело, нагружено идеологическими предрассудками времен холодной войны, лишено дескриптивного потенциала, не адекватно реальности тех стран, которые послужили исходно материалом для построения этой теоретической модели. Все они, защищая свои ценности и свое видение мира, исходят из эссенциалистской трактовки понятий социальных и исторических наук. Мне представляется более продуктивным не оспаривать такие подходы, а понимать их обусловленность определенной точкой зрения, не теряя тем самым то ценное, что достигается благодаря такой позиции. Поэтому я хотел бы подчеркнуть позитивные возможности этой парадигмы, а «тоталитаризм», вне всякого сомнения, научная парадигма, включающая разные по времени своего появления и содержанию концептуаль-

ные трактовки подобных режимов, а значит, задачи их сравнительно-типологического анализа. Данный подход требует рассматривать подобные понятия как идеально-типологические конструкции в духе методологии Макса Вебера, то есть устанавливать смысловые связи между разными социальными явлениями и процессами (в свою очередь являющимися результатом значительной генерализирующей проработки эмпирического материала, накопленных интерпретаций данных, предпринятых для проверки тех или иных гипотез и теоретических предположений). Иначе говоря, рассматривать их как продукцию длительной коллективной работы, историзировать любые понятийные инструменты такого рода.

Следуя этой посылке, я хотел бы подчеркнуть исходный смысл понятия «тоталитаризм», который возник в 1920-е годы в дискуссиях о природе и характере итальянского фашизма, советского коммунизма и нацизма в Германии, равно как и фашистских движений в разных странах Европы (Испании, Венгрии, Румынии и др.). То, что тогда в первую очередь бросалось в глаза даже не столько ученым, сколько публичным интеллектуалам – общественным деятелям, литераторам, публицистам – связано с беспрецедентной экспансией государства, захваченного подобными радикальными движениями, в сферы жизни общества, которые ранее не были предметом деятельности государства, регламентации, контроля, принуждения. Тоталитарные режимы упраздняли автономию и самостоятельность, независимость от власти

социальных сфер общества – экономики (контроль над целями и интересами производства, распределением, трудовыми отношениями, финансовыми потоками), образования и воспитания молодого поколения, культуры, искусства и литературы, частной и повседневной жизни, религии, гражданского общества, науки, спорта, досуга и пр. Государство – все, ничего вне государства, государство – одна, единая железная воля, как утверждалось в «Доктрине фашизма» Дж. Джентиле и Б. Муссолини. Террор и репрессии были производными от этой философии и практики тотальной, то есть претендующей на абсолютный диктат во всех областях общественной жизни, власти, а их масштабы и практики могли очень сильно различаться от страны к стране. Все, что противоречило императиву управления всем и вся, объявлялось «вражеским», «чуждым» «духу народа», «традициям», «интересам государства», подлежащим уничтожению или изоляции, вынесению за границы «единства» (нации, народа, государства). Любые идеи, гражданские образования, формы солидарности, социальные интересы, не совпадающие с «интересами государства», должны в таком контексте трактоваться как внесенные извне, иностранные, результат заговора врагов, агентов, подрывных сил или отсталых, неразвитых, несознательных, извращенных взглядов и убеждений. «Целое» в таких социальных системах задается только исходя из логики установления вертикально-иерархического социального порядка, венчаемого вождем, национальным ли-

дером, «сувереном» (если использовать термин К. Шмитта), способным объявить чрезвычайное положение, отменяя тем самым предыдущие законы и нормы поведения и взаимодействия, и устанавливать свои законы и свой порядок.

2020 год начался с предложений Путина законодательно закрепить в Конституции режим своего пожизненного правления и таким образом окончательно ликвидировать результаты демократических реформ, начатых после краха СССР. То, как повели себя в этой ситуации российский «парламент», «Конституционный суд», разрешенные «политические партии» и региональные депутаты, лучше любых других аргументов показывает характер российского государства (и общества). Со всей возможной поспешностью и в нарушение базовых принципов действующей Конституции РФ (первых двух статей, не подлежащих корректировке) «поправки» были «утверждены» Госдумой, региональными депутатами, беспринципными судьями так называемого Конституционного суда и немедленно вступили в действие. Сам стиль внесения, равно как и юридическая топорность сляпанных на скорую руку, противоречащих друг другу и положениям прежнего Основного закона изменений свидетельствует о том, что Конституция к настоящему моменту утратила какое-либо государственно-правовое значение, что путинский режим не считает себя связанным какими-либо нормами законов. «Номинальный Путин» присвоил себе статус и функции суверена, устанавливающего за-

кон и определяющего, исходя из своих ситуативных представлений и интересов, что есть «право» и «закон», которому должны подчиняться его подданные.

Если массовое отношение к происходящему было скорее равнодушным, пассивным, хотя и не совсем однозначным², то среди образованной, тем более фрондирующей своей оппозиционностью публики эти заявления были восприняты как «конституционный переворот». Само по себе такое определение происходящего свидетельствует о неадекватности российской либеральной публики, продолжающей жить в своем иллюзорном мире «демократического транзита». Напротив, тем, кто не разбирается в тонкостях юридических формулировок предложенных поправок, кто далек от излишней веры в «легизм» российского законодательства и совесть суда, общий смысл этих изменений был вполне понятен. Можно сказать даже, что именно те, кто и не пытался уяснить себе, как сочетаются новые положения с ос-

² Опросы общественного мнения показали, что респонденты разделились по ровну на тех, кто готов проголосовать «за Путина» и принять «пакет» этих поправок, и тех, кто настроен против этих изменений: 47 % опрошенных «Левада-Центром» в январе 2020 года объяснили это тем, что Путин собирается и дальше оставаться у власти. Мнения о том, как он должен поступить, разделились пополам: 46 % полагали, что он должен уйти после окончания срока своего президентства, 45 % – может «избираться» и оставаться на своем посту и дальше (URL: <https://www.levada.ru/2020/02/28/konstitutsiya-i-vsenarodnoe-golosovanie/>; URL: <https://www.levada.ru/2020/03/27/obshherossijskoe-golosovanie-po-popravkam-v-konstitutsiyu/>; URL: <https://www.levada.ru/2020/03/27/obnulenie-prezidentskih-srokov/>).

новными принципами действующей Конституции, лучше и точнее воспринимают суть происходящего, чем образованная публика, растерявшаяся перед нагромождением конституционных новаций, юридически не согласованных ни между собой, ни с прежним корпусом Основного закона. Никто не скрывал смысла тех изменений в государственной системе, которые постепенно накапливались после того, как Путин был назначен преемником Ельцина. Бурная реакция образованного сообщества в интернете говорит лишь о том, что у этой публики (ценности которой разделяет и автор) иллюзии в отношении предопределенности демократического транзита власти и оптимистических сценариев развития страны полностью погасили способность к трезвому анализу социальных и исторических процессов³. Российская Конституция 1993 года, и так далекая от стандартов демократии, потеряла свой статус Основного закона прямого действия уже в самом начале 2000-х годов, поскольку начиная с этого времени более половины ее статей не работали. По-

³ Причиной этому – ограниченность интеллектуальных ресурсов, отсутствие достаточно широкой концептуальной рамки, в категориях которой можно было анализировать и объяснять происходящие после 1996 года процессы. Половинчатость или импровизационный характер реформ, проводившихся в первой половине 1990-х годов, стали препятствием для новой правовой концепции государства, которое должно было бы исходить из признания преступности советского (а не только сталинского) режима и необходимости радикального изменения исторической и правовой политики. Раз этого не было сделано, то российское общество обречено на регенерацию тоталитарного государства и его обновленной идеологии.

литическая (партийная) конкуренция фактически закончилась после президентских выборов 1996 года. Ее заменили внутренние интриги, комбинации группировок в закрытых сферах высшей власти и пропаганда в сочетании с политтехнологическими манипуляциями и использованием административных ресурсов на выборах (проще говоря, шантаж и принуждение избирателей к нужному голосованию).

Путинские поправки в текст Конституции об обнулении сроков президентства, усилении зависимости судебного корпуса от президента, встраивании низовых органов (которые по Конституции не относятся к государственным структурам) в вертикаль власти и еще множество контрабандных идеологических вставок, предназначенных упразднить принцип недопустимости единой государственной идеологии, являются лишь завершением процесса, начатого в 2003–2004 годах. Делать вид, что этого нет или что «конституционный переворот» – полная неожиданность, недопустимо или недостойно.

То, что может (и должно) последовать за этим, ясно показывает практика борьбы с пандемией коронавируса, которая развернулась в марте 2020 года: отказ властей от политической ответственности «суверена» и государства в целом перед обществом, перекладывание на население издержек фактического введения чрезвычайного положения (одновременно с отказом в правовых нормах и гарантиях, действующих по закону о чрезвычайных ситуациях), демонстра-

тивное пренебрежение полномочиями других ветвей власти, цензура, тотальное полицейское всевластие, репрессии, страх, растерянность и покорность людей, лишившихся работы, а значит, средств к существованию и т. п.

Но вопрос о демократии в России, поставленный выше, остается. Чтобы ответить на него, надо (мне надо было) сначала освободиться от тех шор и стереотипов, которые определяют картину реальности российского образованного сообщества, его неискоренимую веру в прогресс, детерминизм модернизационных процессов и демократический транзит. Правильнее всего – в этом положении – было бы признать неискоренимость дурной человеческой природы или исходить из метафизики «банальности зла». Это позволило бы выйти из узких рамок российской злобы дня. Но это слишком радикальный для нашего состояния посыл. Такому кантовскому пессимизму сильнейшим образом противилось мое советское воспитание, 45 лет жизни при социализме, неистребимые надежды на выход страны из тоталитаризма. Утопические представления были основой групповой идентичности той научной или социальной среды, в которой я жил. Потребовались довольно значительные усилия для того, чтобы «взять в скобки» эти надежды, посмотреть на них как на иллюзии, как на ценности, идеологические и концептуальные представления, препятствующие ясному и трезвому видению реальности, произвести, как говорят фе-

номенологи, операцию «эпохэ»⁴.

В 1980–1990-е годы такого рода убеждения (упования) были мотивами участия в политическом и общественном движении, но очень скоро, и тем более сегодня – в условиях возвращения несвободы – они стали догмами нашей среды, превратились в основания для самолюбования и оправдания оппортунизма экспертного сообщества. Сотрудники «Левада-Центра» постоянно сталкиваются с агрессивным неприятием наших данных и непрофессиональными интерпретациями, характерным для части интеллигенции. Неспособность (или нежелание) понимать происходящее в некоторых случаях легко сочетается с обслуживанием власти в качестве экспертов, консультантов, но часто это всего лишь стремление к внутреннему комфорту и безмятежному сосуществованию с нынешним режимом в качестве преподавателей, деятелей культуры, производителей информационного «контента». Но дело не в конформизме, самостерилизации, самоцензуре или упрямстве. За обычной (и очень распространенной) постановкой вопроса: «Можно ли или нет верить данным опросов общественного мнения?» – стоит массивный опыт тотального (институционального и межличностного) недоверия, характерного для тоталитарного сознания, отсутствие концептуальных представлений, позволяющих интерпретировать ответы респондентов в рамках соответствующих теоретических построений сложного обще-

⁴ «Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман».

ства. Идеи – фальсификации мнений или неправильной методологии опросов – не более чем (само)оправдание этой интеллектуальной беспомощности. При всей кажущейся «научности» такой постановки вопроса она – выражение конспирологической идеологии и популистской культуры, массовой психологии, уравнивающей университетских профессоров с фрустрированным обывателем.

Как считал Левада, Россия оказалась не способной решить три фундаментальные задачи, поставленные перед ней XX веком: разобраться с причинами и природой революции, провести и завершить модернизацию, осмыслить причины возникновения и живучести тоталитаризма.

Ответы на центральный для нас вопрос о демократии лежат в нескольких плоскостях анализа, различных по характеру ресурсов и сложности предпринимаемого объяснения:

1) Основной социальной группой, инициировавшей реформу коммунистической системы, и прежде всего ее главного института – планово-распределительной экономики, составлявшей материальную базу правящей элиты (высшей советской номенклатуры), было среднее звено бюрократии; никаких других социальных категорий, способных выдвинуть и проводить крупномасштабные изменения, не существовало; поэтому – в условиях отсутствия других социальных субъектов реформ – «победа демократов» естественным образом означала неготовность и нежелание сторонников демократизации, руководителей «партии реформ» (в широ-

ком смысле) к политике институционального самоограничения, созданию действенных институтов сдержек и противовесов *собственному* произволу. Лозунг «правовое государство» был провозглашен, но ничего не было сделано, чтобы связать эти декларируемые принципы с практическими интересами не только властных групп, но и населения, бизнеса, бюрократии⁵. Причины этой близорукости заключаются в том, что сами реформаторы, как и группы их массовой поддержки, еще совсем недавно были частью этого государства, бюрократией средней руки – технической или гуманитарной «интеллигенцией», разделявшей значительную часть его идеологии.

2) Эти особенности реформаторского движения были причиной слабости поддерживающих его сил, что, в свою очередь, стало условием регенерации репрессивных и консервативных институтов, оставшихся после краха советской тоталитарной системы; поскольку не было понимания опасности, исходящей от репрессивных и силовых институтов,

⁵ Не последнюю роль в оппортунизме «демократов» сыграло и то, что при всей своей риторике «правительства камикадзе», реформаторы не забывали о собственных материальных интересах. Здесь самое время вспомнить положение Макса Вебера о том, что характер институционализации социальных изменений определяется не только идеями, которыми руководствуется «штаб управления», идеальными мотивами (идеями, этикой, убеждениями, престижем, стремлению к власти и влиянию), но и вполне материальными интересами его членов (обеспечения, выгоды, сохранения статуса и т. п.). См.: *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5 Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. Kap. III. S. 142–176.

постольку не возникло осознанного сопротивления тоталитаризму; никто не был озабочен проблемой создания механизмов защиты от них. Самоуверенность реформаторов, убежденных государственников, полагающих, что они как техники государственной машины в состоянии использовать исключительно в своих интересах спецслужбы, армию и другие репрессивные институты, контролировать их, обернулась тем, что очень скоро, буквально через два-три года, они сами оказались заложниками этих структур (примеров тому множество).

3) Приписывание «демократами» своих интересов, мотивов и представлений о реальности всему «населению», «обществу», «массе», вызванное не только эгоизмом или эгоцентризмом реформаторов, но и слабым фактическим, в первую очередь социологическим знанием советского общества, означало одновременно вытеснение целого ряда неудобных для них фактов: понимания того, что три четверти населения – это колхозники, крестьяне в недавнем прошлом или дети крестьян, мигранты в город в первом или втором поколении, то есть это человеческий массив, не просто обладающий ограниченными культурными и образовательными ресурсами, но люди, пережившие самые тяжелые – если учитывать разные социальные категории – потери, социальные, сословные ломки и катастрофы в XX веке: раскулачивание, коллективизацию, голод 1930-х и 1940-х годов, абсолютное гражданское бесправие и насилие, потери мужско-

го населения во Второй мировой войне и примыкающих к ней военных конфликтах. *Доминантой политической культуры* постсоветского общества была и остается в настоящее время специфика жизненных установок: ориентация на пассивное приспособление к произволу властей, выбор стратегии *понижающей адаптации*, характерный как для любых неправящих элит и авторитетных в своей области групп (интеллектуальных, культурных, научных, бизнеса, медийных, экспертного сообщества в целом), так и для всего населения. Осознание природы этой пассивности предполагает понимание фундаментального и неразрешимого противоречия массового общества советского типа, а именно того факта, что смутное ощущение несправедливости или бесчеловечности повседневных практик тоталитарного государства никогда не переходило в массовое признание преступного характера этого государства. Напротив, сама длительность существования и безальтернативная тотальность советского государства, захватывающего все сферы жизни – работу и семью, потребление, досуг, образование и воспитание, культуру, религию, идеологию, мобильность – порождало чувство привыкания и восприятие этого образа жизни как «нормы», «нормальности» такого социального порядка, легитимности привычной, а потому как бы «своей» власти. Последовательная политика вытеснения прошлого, как и уничтожение явных или потенциальных несогласных или носителей другого типа сознания и культуры, облегчала новое колхозное закрепо-

щение общества после переворота 1917 года и Гражданской войны. Классовый террор и чистки 1920-х годов, коллективизация, ГУЛАГ, искусственный голод, принудительная нищета, милитаризация повседневной жизни и опустошительные войны, унесшие миллионы жизней (в основном сельского населения), разрушили основания для возможности появления гражданского общества и соответствующего типа морали, солидарности, групповой идентичности⁶. Коллективная идентичность могла утверждаться как легитимная только сознанием принадлежности к государству, соответственно, отказом от совести и личной ответственности. Рутинное насилие, капиллярная структура принуждения воспринимались как безальтернативное и неизменяемое состояние жизни, что извращало всякое представление о морали, уничтожало идею свободы, прав и достоинства человека. «Государство – все, вне государства – ничего (или враги)».

4) Преимущество власти перед населением заключается

⁶ Ранние формы протогражданского общества (земство, городское и купеческое самоуправление, дворянские представительства и т. п.) носили преимущественно сословный характер. Может быть, самая успешная в этом плане форма – земство, решающую роль в котором первоначально играло дворянство, землевладельцы, рассматривало крестьянство как объект своего попечения, не входя при этом в противоречие со своими интересами; исполнительная функция принадлежала в нем наемной сельской интеллигенции. Крестьянство как носитель этики материальной справедливости (обеспечения равенства жизненных шансов) разделяло идеи «аграрного коммунизма», в значительной степени если не порожденные, то поддерживаемые консервативной фискальной политикой правительства. Никаких ценностей «демократии», «свободы», «прав человека», представительного правления в этой среде не существовало.

в том, что власть не просто структурирована, но *организована*, а население – нет. Причем организация власти предназначена для использования насилия, она нацелена на принуждение к выполнению приказов и распоряжений вышестоящих инстанций. У населения же («общества») нет адекватных или вообще каких бы то ни было средств давления на власть, и тем более – инструментов для ее периодической смены. Их не было до революции, в советское время, не появилось и после краха СССР.

Реальная борьба за власть после распада СССР происходила в рамках конфронтации двух фракций распавшейся номенклатуры: «реформаторов» – «демократов» и либералов, с одной стороны, и «консерваторов», объединявших широкий спектр утративших власть бывших партийных начальников, красных директоров, дискредитированных генералов, мобилизующих социально дезориентированную и люмпенизированную «красно-коричневую» толпу – с другой. Множество мелких и номинальных партий, появившихся в 1992–1993 годах, не должно вводить в заблуждение: структурно все они повторяют композицию «партия власти» (а также ее дубликаты и ближайшие внутривидовые соперники) и «консервативная оппозиция» (состоящая из «бывших» начальников второго, третьего и уровней ниже).

К концу правления Ельцина это многообразие было сведено до двух провластных образований – ассоциации региональных и отраслевых начальников («Отечество – Вся

Россия») и кремлевского проекта («Наш дом – Россия») и их спойлеров: коммунистов и жириновцев. Последовавшее вскоре принудительное (под угрозой уголовного преследования) объединение этих фракций правящей элиты, уже отказавшейся от планов дальнейших реформ, означало восстановление монополии Кремля на выборах и лишение электорального процесса *политического* смысла. Выборы как процедура сохранились, но стали играть совершенно иную функциональную роль: во-первых, аккламации режима, показной легитимации системы, а во-вторых, вытеснения, дискредитации и уничтожения оппонентов Кремля. Тем не менее внимание демократов к такого рода событиям сохраняется до настоящего времени («а вдруг?», «улица еще скажет свое слово» и т. п.). Дискуссии на тему: что правильное – бойкот выборов или голосование против (в том числе «против всех»), идут и сегодня. Практического значения они уже не имеют, но позволяют сохранять уважение к себе и некоторую групповую «негативную» идентичность.

Узурпация власти президентом, ставшая возможной благодаря ликвидации многопартийности (или ее видимости), началась с уничтожения свободы СМИ в 2000-х годах в ходе боевых действий в Дагестане, а потом – в Чечне, введения цензуры после гибели подлодки «Курск», ликвидации террористов и зрителей на Дубровке, а затем – школьников в Беслане, установления чрезвычайного («контртеррористического») режима на Северном Кавказе, упразднившие-

го правовые механизмы регуляции силовых ведомств в особых ситуациях. Укрепление авторитаризма шло под флагом борьбы с терроризмом, с произволом «региональных баронов» и всевластием олигархов. За отменой выборности губернаторов последовали введение неконституционного института полпредов президента и распределение территорий по укрупненным федеральным округам, что лишило самостоятельности бывшие автономии, «республики» и области. Ельцинский договор между центром и регионами о разграничении полномочий после этого утратил силу. После корректировки «законодательства», то есть приведения региональных законов в «соответствие с федеральными», были запрещены региональные партии, что окончательно добило идею федерализма и низового самоуправления как основу гражданского общества и демократии.

Новые управленческие структуры (институт полпредства, увеличение числа одних ведомств, разделение и слияние других) потребовали, с одной стороны, обновления «кадров» – вытеснения «демократов» силовиками и «технократами», усилий по формированию контингента собственно путинских управленцев, а с другой – выстраивания более жестких административных отношений на всех уровнях. Создание новых управленческих и контрольных органов сопровождалось полным уничтожением *политики* как собственной институциональной сферы. Ее заменили систематические манипуляция на выборах, введение различного рода

фильтров, выдавливание несогласных и оппонентов из списков, отказ в регистрации нежелательным кандидатам. После зачистки кремлевской администрацией информационного пространства и установления своей монополии над СМИ электоральные манипуляции стали уже сравнительно несложным делом, поскольку у общества не оказалось каких-либо инструментов влияния на власть или критического обсуждения ее действий и эффективности управления. Режим «суверенной» или «управляемой демократии» в сочетании с использованием политической полиции для захвата и перераспределения собственности, установления корпоративного госкапитализма для «своих» вскоре, уже через несколько итераций «электоральных циклов» радикально изменил человеческий, кадровый состав высшего и среднего руководства страны, в меньшей степени – низовой администрации. Отбор кандидатов в структуры управления шел по критерию лояльности к власти, кооптации людей беспринципных, без чести и совести, аморальных, а потому – готовых к исполнению любых приказов начальства. Система была предназначена для контроля и консервации, а не для проведения эффективной внутренней и внешней политики, соответственно, компетентность и кругозор чиновников здесь не требовались и не предполагались.

Опыт поражения в Афганской и чеченской войнах, а перед этим – ресентимент и унижение вследствие радикального сокращения численности кадровых военных после краха

СССР и вывода войск из Восточной Европы, развал номенклатурной системы и прочие обстоятельства из того же ряда имели чрезвычайно важное значение для концентрации мстительных по отношению «к демократам» чувств и реакционных настроений в среде чиновников самых консервативных и иерархических институтов – армии, ФСБ, МВД, прокуратуры, судов и им подобных.

Удивительно, но все эти изменения остались незамеченными или, точнее, неосмысленными российскими либеральными социальными учеными и публицистами. Нельзя сказать, что нарастание реакционности политического класса и базовых институтов носило какой-то скрытый или непубличный характер. Наоборот, все планы и идеологические разработки такого рода были предельно откровенны. Приведу лишь один пример, но, на мой взгляд, очень выразительный, программы, написанной, видимо, в 2004 году под обоснование реакционного поворота путинской политики⁷.

Ее автор, М. Ремизов выделяет «пять регулятивных принципов, специфицирующих позицию идеологического консерватизма на политическом поле современной России:

1. Цивилизационный антиглобализм. <...> в мире конфликта цивилизаций Россия должна быть не частью ка-

⁷ Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 117–140. Позже автор станет Президентом Института национальной стратегии (в 2005 году), членом Экспертного совета при Правительстве РФ и членом Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ, ведущим телевизионной программы и т. п.

кого-либо из “лагерей”, но самостоятельной цивилизационной платформой, укрепленной по своему периметру. <...> Фактически это означает *запрет на интеграцию* России в проекты, центром которых не является она сама, и категорическое табу на дискурс “интеграции в цивилизованный мир”.<...>

2. Экономический солидаризм. <...> безрассудная интеграция в “мировое общество” является путем к дезинтеграции собственного общества: происходит углубление сырьевой специализации, деиндустриализация, фрагментация региональных экономик, сегрегация страт, люмпенизация широких слоев “незанятого” в “экономике трубы” населения. <...> Консервативная реакция – ставить на воссоздание государства как метакорпоративной системы, в которой будет обеспечена а) координация политэкономических элит под знаком общегосударственных интересов, б) исключительная солидарность бизнеса и власти с собственным населением. На том единственном основании, что *это соотечественники*. Фактически консервативная позиция сводится к отстаиванию страны-системы (а не “миросистемы”) как базовой единицы экономической эффективности. Конкретные следствия этой позиции выразимы в трех простых лозунгах, которые могут правильно действовать только вместе: *протекционизм для бизнеса, занятость и социальные права для населения, национальное достояние (недра, инфраструктурные монополии) — в руках государства.*

3. Демографический национализм. Консерваторами в России являются те, кто видят серьезную проблему а) в инородной иммиграции (инородной – по отношению к русским и другим коренным народам России), б) в разделенном положении русской нации на постсоветском пространстве, т. е. в наличии “чужих” внутри страны и “своих” за ее пределами. Консервативный подход к этой двуединой проблеме может быть выражен тремя словами: *репатриация против иммиграции*. <...> предпосылки гражданственности для консерватора лежат в национально-культурной сфере. <...> чтобы у отдельных индивидов была возможность прикнуть к “государствообразующей” идентичности, подавляющее большинство населения должно усваивать ее по факту рождения.

4. Государственный легитимизм. Консерваторы убеждены, что основанием целостности России является историческая преемственность, связывающая воедино все исторические формы российской государственности, независимо от государственного строя и формы правления. Эта позиция имеет несколько прямых следствий. Во-первых – отрицание либерально-демократической трактовки России как нового государства-нации. Во многом именно эта трактовка является предпосылкой политики интеграции России в евроатлантические структуры. Во-вторых – недопущение сепаратизма и “договорного федерализма”, то есть модели, в которой федеративное государство рассматривается как “учрежден-

ное” субъектами федерации. В нашей истории самоуправляющиеся территории суть производные от государственной целостности, а не наоборот. В России нет других государств, кроме России. В-третьих – асимметрия в отношениях с постсоветскими государствами. Если Россия не осколок империи, а ее преемник – независимо от размеров, – то она не является образованием того же порядка, что сопредельные с ней государства, возникшие из останков СССР. Именно в качестве наследника империи Россия может быть центром постимперского *«большого пространства»*.

5. Религиозный традиционализм. <...> сегодня не столько государство нужно церкви, сколько церковь государству. <...> Во-первых – *для оформления его идентичности в истории*. <...> именно религиозная картина мира задает ту систему координат, в которой возможна цивилизационная самостоятельность России. Во-вторых – *для легитимации власти*. Суверенная власть – это власть над жизнью и смертью. Чтобы действовать, она должна считаться *праведной* с точки зрения вероисповедных традиций данного общества. В-третьих – *для социализации граждан*. Социальные институты традиционных религий восполняют вакуум доверия в обществе, дефицит первичных социальных связей и поведенческих эталонов. <...>

<...> чем отличается “новый консерватизм” от “патриотизма девяностых”? Прежде всего – тем, что он включил данные политические принципы в контекст *мировоззрения* – це-

лостного, разработанного, резистентного к критике, имеющего экзистенциальное и социологическое измерение. <...> консерватор превращает патриотизм в динамический источник политических ценностей и “трансцендентальное” основание политических институтов. <...> Для консерватизма <...> связь человека с его “топосом”, связь общественного порядка с местоположением, связь закона с отечеством является системообразующим началом.

Отсюда должна быть ясна оптимальная для консерватизма модель его соотношения с оппонентами. Их существование на политическом поле признается нормальным и необходимым при условии того, что они принимают политический патриотизм как пусть внешнюю по отношению к их собственному мировоззрению, но непререкаемую рамку. Патриотический консенсус должен быть вшит в систему институтов и механизмы внутриэлитной ротации. Таким образом, функционально консерватизм отвечает не столько за “стабильность”, сколько за “целостность” и идентичность государственно-политической системы. <...> в современном российском либерализме он [консерватизм. — Л. Г.] вынужден видеть не оппонента внутри общей социально-культурной, социально-политической системы, а “*антисистему*”. <...> Идея “антисистемы” [рожденная Л. Гумилевым. — Л. Г.] получает развитие у Игоря Шафаревича в концепции “малого народа”, которая была прочитана как “абсолютно антисемитская” — не только оппонентами, но и многими сто-

ронниками – и из-за этого не понята по существу. “Анти-система” не тождественна “диаспоре”. Понадобилось немало лет, чтобы отделить в этом феномене *социологическую* проблему от *этнической*» <...> “общество”, причем в первую очередь его образованные слои, является значительно более консервативно настроенным, чем “власть”. “Консервативно” – и в смысле приверженности тому, что называют “традиционными ценностями”, и в смысле приверженности перечисленным параметрам консервативного политического курса. Как следствие, именно создание активной *консервативной общественной среды* – в информационно-политической, культурной, правозащитной, экономической сфере – является наиболее органичной формой наращивания влияния.

Эта стратегия, ставящая на передний план не пресловутое “взятие власти”, а создание структур гражданского общества и завоевание культурной гегемонии»⁸.

Таким образом, перед нами ясный и четко изложенный хорошим литературным языком идеологический манифест или программа, которая в своих принципиальных моментах (не лексикой) полностью повторяет доктрину фашизма: тотальное государство, базирующееся на силовых и милитаристских институтах, основанное на антилиберализме и официальной исторической мифологии – традиционных ценностях имперского национализма (исторической или

⁸ Ремизов М. Указ. соч. С. 132–140.

«трансцендентальной» почвы), тотальной пропаганды и полного подчинения общества (гражданского общества), принудительной и закрытой культуры, принуждения к лояльности или молчанию оппонентов, экспансии на территории государств, которые раньше входили в состав СССР, отказ им в суверенитете и самостоятельности. Разумеется, это не единственный и тем более не директивный «вариант» идеологии путинского режима. Можно привести целый ряд других «проектов» такого же рода – «православно-монархического возрождения России», как это предлагал директор РИСИ, генерал-лейтенант ФСБ Л. Решетников или «евразийство» А. Дугина, главного редактора телеканала «Царьград» и т. п. Путинизм довольно эклектичен, допуская различные версии или ходы в обосновании формирования «великой державы». Мне важно в данном случае подчеркнуть, что это не просто пустые декларации отдельных «идеологов» и «философов», а программы деятельности информационно-аналитических и проектных центров при Администрации президента и правительства, что они задают тон и обоснование для всех остальных управленческих, масскоммуникативных, репрессивных и образовательных институтов в России⁹. Соб-

⁹ Тот же Институт национальной стратегии публикует целый ряд изданий: «Концепция патриотического воспитания в современной России: историческая память и гражданское самосознание» (2014); «Неединая Россия: доклады по этнополитике» (2016); «Россия в Арктике» (2015) и прочую свою идейную продукцию. ИНС, как и десятки других «независимых интеллектуальных центров», фондов, институтов при Администрации президента, обеспечивают бюрократическую

ственно, это и есть элемент той организационной системы тоталитаризма, которая обеспечивает управление массовой покорностью. При этом совсем не обязательно быть убедительным, достаточно быть *единственной допустимой публично* идеологической позицией, делающее все прочие позиции незначимыми, вытесненными из сферы коммуникаций, а значит — и из массового сознания.

Гратификация сервильности предполагала негласное разрешение или терпимость к коррупции, поощрение рэкета среднего и мелкого предпринимательства, установление систематических аффилированных связей с паразитирующим на госбюджете крупным бизнесом. В итоге спустя 15 лет сложилась полузакрытая социальная среда, в которой имело место сращение чиновничества, депутатского корпуса, силовиков, судебных и зависимого от них бизнеса. Циркуляция кадров происходила по замкнутой схеме: чиновники, получавшие или имевшие свой бизнес или долю в бизнесе, с течением времени становились депутатами (региональных законодательных собраний, Федерального Собрания), приобретали не только активы, но и правовой иммунитет от уголовного преследования, а затем либо продвигались вверх в бюрократической иерархии, либо возвращались в бизнес, обогащенные связями с различными распорядителями властных и экономических ресурсов. Таким образом, возникло новое социальное образование, которое условно можно на-

звать «путинским политическим классом». Сплоченность этого класса обеспечена внутрикорпоративной солидарностью интересов, цинизмом и презрением к населению, а также страхом перед вышестоящими органами. Последнее обстоятельство достаточно важно в «экологическом» плане господства: традиционный механизм предотвращения апроприации социальных позиций предполагает практику периодических чисток и санкций против отдельных лиц или группировок – аресты и судебные дела против высокопоставленных чиновников, прокуроров, сотрудников следственного аппарата или таможенной службы (можно указать на примеры А. Хорошавина, В. Гайгера, А. Улюкаева или не столь высокопоставленных – Д. Захарова, Д. Сугробова и сотен других, на следующих или нижних уровнях власти – региональных руководителей департаментов, начальников силовых структур, надзирающих над местными «группами интересов»), против мэров крупных городов, особенно тех, кто не был назначен Администрацией президента, а победил на выборах от «оппозиции». Подобные практики хорошо описаны и проанализированы профессором Н. Петровым и аналитиками фонда «Петербургская политика»¹⁰.

¹⁰ *Петров Н. В.* Путинская перестройка // Ведомости. 22.08.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/23/730610-putinskaya-perestroika>; *Его же.* Репрессии стали механизмом контроля элиты // Ведомости. 30.08.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/30/731537-repressiii-kontrolya-eliti>; *Его же.* Методы репрессий отрабатываются в регионах // Ведомости. 05.09.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/>

Выстраиваемая вертикаль власти привела к полной стерилизации заявленных, но не реализованных институтов российской демократии – социальных механизмов и возможностей презентации общественных интересов (отказ в регистрации и прессинг некремлевских политических партий, подавление организаций гражданского общества), созданию системы административного, *внеправового* надзора на сферах экономики, цензуры, образования, интервенций в вопросы культуры, а значит – к уничтожению самих механизмов репродукции политической системы, прекращению циркуляции элит, замене ее процедурами кооптации, а следовательно, и консервации действующей власти.

Наблюдая на протяжении последних 10-12 лет подобные изменения в политической системе, российская демократическая общественность возмущалась, но расценивала эти явления как «случайные», «неправильные», как отклонения от должного хода вещей, не понимая самой логики процессов реверсного социально-политического движения, в том числе – нарастающего идеологического традиционализма. Полностью закрытым для понимания нашей образованной публики оказалось то, что «все более суверенная» вертикаль административной и репрессивной власти неизбежно *вынуждена* будет апеллировать к прошлому, к пантеону героизированных и иконизированных властителей, тиранов и советских или царских военачальников, используя победные темы им-

перской, цивилизационной и расово-племенной мифологии для легитимации своей иерархической структуры. «Вертикаль» – по своей семантике и логике – не имеет других *оснований* для оправдания и условий своего признания, кроме фиктивного прошлого – величия целого, символов «государства», стоящих над всеми ценностями частной или повседневной жизни, другими институтами, которых она лишает автономности и собственного смысла существования. Обращение к архаике должно девальвировать или стерилизовать ценности личности и человеческого достоинства, свободы отдельного человека, его права, возвышая в глазах подданных статус правителя этого государства, хранителя духовных традиций и жизненных сил «народа», воплощение «симфонии власти и народа», государства как своего рода церкви или квазитеократического образования.

Первый значительный опыт сохранения власти у номинального лидера («Путина») был произведен в ходе инсценированных выборов сменщика президента в 2007 году и в повторении этой «возвратной передачи власти» – «рокировке» 2011–2012 года. Его трудно назвать «удачным», поскольку эти маневры режима спровоцировали массовые антипутинские протесты в крупных городах. Но так или иначе это произошло. Реакцией режима на эти выступления стало резкое ужесточение репрессивного законодательства, превратившего российскую Конституцию с ее гарантиями прав и свобод российского гражданина в юридическое прикрытие админи-

стративного произвола. Изменение законодательства усилило влияние ФСБ, генералитета, прокуратуры, Следственного комитета и других тотальных и силовых институтов на политические решения, а значит – и на атмосферу в обществе. Именно эти структуры политической и уголовной полиции, МВД, армии, предназначенной в первую очередь для экспансионистских и карательных задач, в минимальной степени подверглись реформам в постсоветские годы, стали идеологическими питомниками для взращивания самых реакционных, традиционалистских и антилиберальных представлений. Они сыграли важнейшую роль в мобилизации антизападных и имперских настроений в обществе в ходе аннексии Крыма, давших мощный толчок реставрации тоталитарных стереотипов и репрессивных институтов, цензуры, пропаганды, но их эффект слабеет по мере исчерпания и рутинизации этих ресурсов, особенно на фоне провала с пенсионной «реформой» в 2018 году.

Усиление прежних силовых институтов (тоталитарных по своим функциям и структуре – ФСБ, армии, МВД, судов, СК и прокуратуры), как и создание новых (Росгвардии, Роскомнадзора, Росфинмониторинга и т. п.) не могло решить проблемы легитимного сохранения персоналистического режима, возглавляемого Путиным. Маневры с «Союзным государством» (планом объединения России и Белоруссии) не имели успеха. Белорусский диктатор ясно понимал, что «интеграция» такого рода приведет к тому, что он лишится вла-

сти с непредсказуемыми для него последствиями. Поэтому нынешний ход Кремля по «обнулению» президентских сроков и введению пожизненного «президентства» Путина выглядит при всей его юридической топорности, грубости и наглости понятным и вполне закономерным.

Выстраивание путинской вертикали власти в первую очередь предполагает уничтожение условий и оснований для низового самоуправления и межгрупповых коммуникаций – базовых принципов демократии. Региональная политика Путина изменила прежде всего финансовые и административные ресурсы местного сообщества. Фискальная политика Кремля сводится к изъятию большей части собираемых на местах налогов (в разных регионах – от 55 до 75 %), что практически лишает жителей возможности распоряжаться налоговыми средствами для решения своих социальных проблем. Такое состояние делает местное сообщество безответственным и зависимым от центра, его милости и произвола, создавая условия и для коррупции низового чиновничества и бизнеса, и лояльности населения вышестоящему начальству. Усилия подобного рода предпринимались и до Путина, ельцинской администрацией, но сами по себе размеры изъятия средств из регионов были существенно меньшими. Концентрация налогов у «центра» позволило правительству бесконтрольно распоряжаться собранными деньгами, одновременно надевая налоговый ошейник на местное сообщество. Это вполне сознательная полити-

ка реставрации тоталитаризма. Демократия возникает там, где люди начинают соединять проблемы своей частной повседневной жизни с проблемами многих других людей, что означает зачатки коллективной, а затем и гражданской солидарности, участия и взаимной ответственности. Но все это предполагает установку на понимание других, социальную эмпатию, известную долю альтруизма и доброжелательности.

В нашем случае сверху навязываются и утверждаются как норма совсем другие человеческие свойства и добродетели – агрессивность, ненависть к другим, вызывающие, соответственно, страх и тревожность, недоверие, подозрительность и массовое убеждение в низменных мотивах поведения большинства людей. Эти качества расцениваются как естественные или органические человеческие свойства. Одновременно проводится мысль, что только объединенные в государство, подчиненные государству люди обретают спокойствие, уверенность в себе и других, защиту от врагов и гарантии благополучия в частной жизни, поскольку лишь государство (тотальный аппарат принуждения) в состоянии сдерживать природное зло в человеке. Показательным образом это демонстрирует Путин, что придает действиям официальных лиц характер общезначимости и убедительности.

Можно добавить к этим рассуждениям еще одну простую мысль: социальные институты – это не просто набор социальных ролей, норм, правил взаимоотношений, возникаю-

щих неизвестно как, и неизвестно чем поддерживаемых. Институты – это всегда люди, а значит, они обладают собственными интересами, представлениями о должном, правильном и допустимом. Другими словами, устойчивость (воспроизводимость) институтов, их специфика связаны с соответствующим отбором или, точнее, подбором определенных типов человека. Меня лично больше всего поражает в нынешней жизни не поведение высшего руководства или депутатского корпуса, с ним все более или менее ясно, а «внезапное» появление рядом с Путиным множества демагогов, садистов во всех сферах, относящихся к власти, пропаганде, СМИ, судебной системе и т. п. Речь в данном случае не только о скандалах, вызванных хамскими выступлениями губернаторов или чиновников средней руки, но и о постоянном присутствии в телевизионном и информационном поле ведущих телешоу или приглашенных «экспертов» и «специалистов», вся особенность которых заключается в манере демонстративного и провокационного цинизма, лжи и агрессии, которую сам Кремль до недавнего времени не мог себе позволить. Демагогия этих клакеров теснейшим образом связана с усилиями навязать лирический образ «большой страны», живущей в соответствии с традициями большой семьи, братских отношений, патриотизма и православной духовности. «Уральские пельмени», «Последние герои» и персонажи из «Камеди клаб» здесь легко и очень органично соединяются с «Домом-2» или хорами ряженных казачков, радостных сара-

фанов и гармошек, с рекламой Газпрома или «Силы Сибири», обобщаемых метафорой России в виде панорамы сельских просторов и сибирских рек. Но ведь этому предшествовал С. Доренко, и пьяный Ельцин, и скандалы с человеком, похожим на генерального прокурора Ю. Скуратова, и раздутая шумиха с «гонорарами» за книгу о приватизации и пр. Другое дело, что тогда подобное воспринималось как нарушение нормы поведения публичных фигур, а сейчас бравада своим цинизмом стала нормой. Дворцы, яхты, активы в офшорах, «пехтинг», покупка должностей, открытая покупка судей, особенно – судей высшего уровня, раздача бюджетных денег приближенным – все это лишь фон нынешней правящей элиты, поведение которой мало чем отличается от поведения других тоталитарных или авторитарных «национальных лидеров» и их окружения.

Вместе с тем вряд ли стоит удивляться тому, что люди не чувствуют своей ответственности за положение дел там, где они живут, испытывают отчуждение, если не отвращение к «политике» и к политикам. Воспроизводство лояльности и государственного патернализма (резидуумов социалистической идеологии и советских практик) носит принудительный характер и никак не связано с вменяемой русским «генетически обусловленной» культурой «верноподданничества» и архетипами крепостного холоуства. Такие качества – следствие вынужденной адаптации, подобные нормы поведения навязываются существующими институтами населению

в качестве образцов коллективной социализации.

Собственно, именно эти изменения и были предметом особого внимания моих исследований в последние годы, уже после смерти Юрия Александровича Левады. Я считал себя обязанным продолжать в меру своих возможностей ту работу, которую он считал первостепенно важной. Не мне судить, насколько это удалось.

Книга состоит из трех разделов.

В первом разделе **«Технология массовой консервативной мобилизации»** рассматриваются условия и события, предшествовавшие крымской эйфории 2014 года, и последующий спад массового возбуждения.

Второй раздел **«Институциональные и культурные ресурсы регенерации репрессивного социального порядка»** включает в себя материалы двух видов: во-первых, те, в которых анализируются символические ресурсы путинского режима, механизмы, обеспечившие не только мобилизацию, но и процессы авторитарной регрессии: общественную пассивность населения, представления об «истории» и культурном времени посттоталитарного общества, динамику и функции мифов о революции, о Сталине, природе деморализации человека в тоталитарном и посттоталитарном государстве, а во-вторых, взаимоотношения населения с институтами насилия, порождающие «выученную беспомощность» и покорность. Здесь же представлены работы, в которых анализируется причинные взаимосвязи между

социальной структурой российского общества и ограниченной социальной и интеллектуальной вменяемостью, а значит – дееспособностью россиян в общественно-политическом пространстве.

Третий раздел «**Возможности диагноза**» посвящен теоретической проблематике рецидива тоталитаризма в России и сложностям осознания этого процесса, его последствий, а также левадовской концепции «советского человека» как условия воспроизводства государства насилия.

Первоначально я хотел придать книге более систематический вид, протянув по мере возможности ряды данных до самого последнего времени. Но со временем вынужден был отказаться от этого намерения. Невозможно переписать заново статьи, написанные не только под действием внутренней логики перехода от одной проблемы к другой, возникающей в ходе исследований, но и под влиянием определенных внешних моментов: событий общественной и политической жизни последнего десятилетия – времени общественной реакции и поражения. Точно так же я свел до минимума все усилия устранить неизбежные повторы приводимых в таблицах материалов социологических опросов. Интерпретация одних и тех же данных все равно строится под другим углом зрения, поскольку при этом устанавливаются новые связи с иными факторами и обстоятельствами, другими концептуальными подходами и положениями.

Мне кажется, возможно, я и ошибаюсь, что эти тексты бу-

дут интересны не сейчас, а позже, тем, кто в будущем захочет понять логику социальных процессов эволюции тоталитарных режимов. Я думаю, они будут по-иному, другими глазами смотреть на наше время, они будут свободны от наших иллюзий, а кроме того, будут знать, что произошло с нами, то, чего мы сейчас не можем видеть – последствия событий, которые мы переживаем сейчас.

Мелкие покусывания в прессе, оставшейся приличной, или яростная ругань нынешней власти в соцсетях ничего не меняют в характере понимания ее социальной основы и природы ее массовой поддержки. Пока не созреет потребность в более глубоком понимании социальной и культурной системы общества, не способного освободиться от своего тоталитарного прошлого, не имеющего ни моральных, ни интеллектуальных средств и сил, надежд на то, что Россия может стать «современным» и «гуманным» обществом и правовым государством, нет. Не случайно, самые глубокие социологические работы о реверсном движении страны, а к ним я отношу в первую очередь работы Ю. А. Левады, остались непонятыми или даже вовсе непрочитанными. Большинство нынешних читателей довольствуется не отрезвляющей социальной диагностикой, а «словесной кашкой».

В заключение я хотел бы поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой – моих коллег по работе Н. Зоркой, Е. Кочергиной, В. Михалёвой и А. Рысёвой и мою жену, терпеливо читавшую разные варианты этих статей и выска-

зывавшую свои редакторские замечания и соображения по их улучшению. Особая благодарность Д. Б. Зимину и Фонду «Либеральная миссия», И. Д. Прохоровой. И, может быть, самое главное – я хочу выразить свое признание и восхищение всем сотрудникам «Левада-Центра», этому уникальному в человеческом плане коллективу, без усилий и работы которого сами эти исследования были бы невозможны.

Раздел 1

Технология массовой консервативной мобилизации

Ресентиментный национализм¹¹

Социальное воображение как условие аналитической работы. 2014 год останется в новейшей истории России отмеченным не просто многообразием событий (их явно было больше, чем в любой другой год последнего десятилетия, включая и кризисные 2008–2009 годы¹²), но и тем, что поли-

¹¹ Впервые опубликовано: Вестник общественного мнения. 2014. № 3– 4. С. 163–227.

¹² Всю совокупность событий 2014 года можно разбить на несколько категорий: 1) крах режима В. Януковича и антиукраинская политика российского руководства (антимайданская пропаганда в январе – марте, аннексия Крыма, сопровождаемая патриотической демагогией и консолидацией населения вокруг режима, сбитый малазийский «Боинг», моральную ответственность за катастрофу которого мировое сообщество возложило на Россию), смена руководства Украины, ее новый прозападный и антипутинский курс; 2) западные и ответные путинские санкции, вызвавшие стремительный рост потребительских цен, международная изоляция России, превращение ее в страну-изгоя; 3) падение цен на нефть, нарастание симптомов экономического кризиса (стагфляция, декабрьский обвал рубля), ожидаемое банкротство регионов; 4) меры по защите режима (новые антидемократические законы, продолжающиеся репрессии и судебные процессы против оппозиции, выдавливание из публичного поля независимых организаций

тики и комментаторы из разных лагерей старались придать им некий общий смысл, подчинив их интерпретацию единой логике происходящего (подчас прямо противоположной по характеру). До последнего времени вопрос о сути происходящего не возникал: усиление авторитаризма заставляло политологов гадать о том, как долго путинский режим сможет протянуть, занимаясь лишь перераспределением нефтегазовой ренты и игнорируя потребности остальной части экономики и модернизации страны в целом. После 2014 года ситуация изменилась. Очевидна потребность понять, что ждет страну, выявить не просто закономерности путинского периода, но и поставить его в общий контекст эволюции постсоветского социума. Однако вопросы формулируются не в общей форме: «Что такое сегодняшняя Россия?», а в политически прикладной или даже сугубо практической: «Чего ждать от сегодняшней России?», – вызывающей серьезную тревогу у соседних стран своей «иррациональностью», непредсказуемостью, «упрямством» Путина и послушного ему кремлевского руководства («Прижатый к стенке Путин становится опасным»¹³). Поэтому отдельные события вос-

гражданского общества и СМИ, издевательский приговор братьям Навальным, проект «закона Ротенберга»), наконец, всякого рода акций против «либерастов», шум вокруг победы на «Евровидении» Кончиты Вурст и пр.; 5) продолжение демонстрации в стилистике «великая держава»: Олимпиада в Сочи, беспрецедентная по затратам и коррупционным скандалам, 6) теракты на Кавказе, нападения боевиков в Грозном и ответные действия Кадырова, разрывающие правовое поле России и т. п.

¹³ См., например: Пресса Британии: трещины в имперской мечте Путина //

принимаются символически нагруженными, как бы «сами собой» встающими в общую цепь причинно-следственных зависимостей. Статус самых важных из них поднят до «поворотных», «определяющих судьбу России» на ближайшие десятилетия, как это было относительно путча 1991 года или подавления антиельцинского мятежа в октябре 1993 года., повлекшего за собой оправдание насилия в решении политических проблем и последующую войну в Чечне. Тогда они обозначили реванш консерваторов и закрепление авторитарного режима в 2002–2004 годах.

Потребность понять смысл происходящего возникает не

Русская служба BBC. Обзор британской прессы от 09.01.2015. URL: <https://news.mail.ru/politics/20679664/>. Хотя угрозы нанести ядерные удары по западным странам исходят от депутатов, имеющих репутацию политических шутов или от третьестепенных фигур в окружении Путина, тем не менее сама по себе такая манера поведения «государственных лиц», немислимая ранее, говорит о том, что риски радикализации конфликта России с мировым сообществом развитых стран очень выросли. Для серьезного аналитика проблемой становится ограниченность его собственного социального и политического воображения, обусловленная самой его причастностью к современной культуре, то есть безусловной значимостью ценностей всех тех, кто ориентируется на нормы либерально-правового мышления и рациональности, присущей цивилизации, учитывающей опыт тоталитаризма, Второй мировой войны, гуманитарных катастроф первой половины XX века и более поздних геноцидов. Дело даже не в отсутствии понятийных средств анализа, а в ценностно-моральных нормах, блокирующих для такого типа сознания саму мысль о возможности стратегий поведения, которые вполне релевантны или органичны, «естественны» для диктатора. В определенном плане даже не так уж важно, действительно ли подобный фюрер или национальный лидер слепо верит в свою удачу, будучи по природе своей игроком (а значит – шантажистом), или он ведет себя так потому, что теряет голову от страха, когда ему мерещится призрак Чаушеску или Каддафи.

только из самой неопределенности ближайшего будущего, но и из экстраординарности массового возбуждения, националистической эйфории, вызванной аннексией Крыма, подскока рейтингов одобрения власти после длительного снижения ее авторитета. Признаки такой консолидации были столь очевидны (чем бы они не вызывались – массовой пропагандой и манипулированием общественным мнением или инерцией имперских и советских представлений населения), что это были вынуждены признать даже те, кто ранее обвиняли социологов в подтасовке данных массовых опросов¹⁴.

Многие обозреватели как в самой России, так и за рубежом говорят о «кризисе режима» или приближающемся конце путинского правления. Оснований для такого «окончательного диагноза» пока явно маловато. Всегда остаются сомнения, не являются ли такие констатации не более чем выражением иллюзий либералов, их самонадеянности или политического солипсизма. Но даже если принять этот вариант как весьма вероятный сценарий обозримого будущего, то все равно «конец» не означает, что уход Путина (вместе со своим окружением) будет равносителен переходу к демократии и к правовому государству. Можно согласиться с теми, кто говорит, что попытки нынешних руководителей государства найти выход из углубляющегося кризиса, вызванного

¹⁴ Это не изменило их общей установки («не верю я в эти 85 %»), но все же вызвало какое-то смутное беспокойство относительно «иррациональности» происходящего, которое, впрочем, не привело к критической переоценке собственной позиции.

их же собственным неэффективным управлением, оборачиваются лишь нагромождением негативных последствий, усиливающих общий дисбаланс в стране. Они переводят частные социальные дисфункции в системные и общеполитические, с течением времени ведущие к настоящему параличу государства и экономики (как это было во второй половине 1980-х годов). Но предстоящий паралич власти сам по себе не тождественен либерализации российского политического устройства или победе демократов в общественном мнении. Речь может идти лишь об исчерпании нефтегазовых ресурсов данной системы, а это не то же самое, что ресурсы массовой поддержки или легитимности власти. В любом случае потенциал власти или потенциал массовых выступлений против власти (границы терпения и признания) представляется весьма дискуссионным вопросом.

Резкое обострение общей ситуации в России в 2014 году и признаки приближающегося крупномасштабного финансового кризиса ставят перед социальными учеными множество вопросов, на которые вряд ли стоит ждать ответов в ближайшее время. В лучшем положении оказываются экономисты, указывающие на последствия политики руководства страны, проводившейся на протяжении многих лет¹⁵, в худшем – по-

¹⁵ См., например: *Иноземцев В. Л.* Что Россия сделала с нефтью? Что России делать с нефтью? // Ведомости. 16.12.2014; 22.12.2014. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/37645191/chto-rossii-delat-s-neftyu>. Как пишут А. Кудрин и Е. Гурвич: «Проблемы нашей экономики носят хронический характер <...>. Причины этих проблем в слабости рыночной среды, вызванной доми-

литологи и социологи, уклоняющиеся от интерпретации социальных процессов в постсоветское время и ограничивающиеся лишь анализом текущих событий и комментариями к ним.

В нашей стране бедность социологического воображения и используемых средств объяснения (понимания) обусловлена более сложными причинами, нежели ограниченные индивидуальные способности тех или иных политологов или комментаторов. Вопрос в социальной обусловленности знания, потребности в изучении реальности, порождающей ответные необходимые усилия в разработке интеллектуальной техники понимания, описания, объяснения. Социология как наука сама по себе гораздо сложнее, чем структура российского общества, в целом абсолютно равнодушного и инертного в отношении знания о себе. Как известно, социология родилась в силу потребности в объяснении совершенно новых, непонятных явлений и отношений, возникших в пространстве больших городов, в процессах модерниза-

нированием государственных и квазигосударственных компаний, имеющих искаженную мотивацию по сравнению с обычной рыночной логикой и “неформальные” отношения с государством. <...> Меры, которые обсуждаются или реализуются сегодня, не соответствуют масштабам проблем, стоящих перед российской экономикой» (*Кудрин А. Л., Гуревич Е. Р. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 33*). Система держится исключительно на перераспределении нефтегазовой ренты и других сырьевых ресурсов. Исчезли стимулы к развитию (сокращению издержек, рационализации производства), и у бизнеса, и у чиновников преобладает ориентация исключительно на освоение казенных денег.

ции европейских стран в конце XIX века. Первые социологи (ставшие классиками) были маргиналами из размывающегося привилегированного сословия буржуазии, в том числе и «буржуазии образования» (Маркс, Теннис, Зомбарт, Вебер, Зиммель, Дюркгейм и др.), фиксирующими новые социальные проблемы. В советское время запрос на социологию был связан с необходимостью «оптимизации государственного управления» и идеологической пропаганды, таким он во многом остается и сегодня. Если не считать маркетинга, то основные представления о смысле и целях социологических исследований сводятся к «электоральным опросам», что редуцирует саму дисциплину до обслуживания власти или ее оппонентов. Сам по себе знак идеологических симпатий или антипатий ничего не меняет в убожестве и примитивности социального воображения образованной части нашего общества. Различий в понимании социальной природы человека у кремлевских политтехнологов или у их оппонентов, демократов, практически нет. Отсутствие интереса к человеку в обществе отражает структуру самого общества. Этим российская социология отличается от российской экономической науки, где есть запрос на реальное знание, серьезный интерес к реальным отношениям в разных сегментах общества, поскольку этот интерес детерминирован практической значимостью знаний о трансакциях, обменных отношениях, хозяйственных, экономических мотивах поведения различных групп. Можно сказать, что состояние эконо-

мической науки отражает степень изменений постсоветского социума, а состояние социологии – изменения лишь политической системы. Во многих аспектах именно экономистами ставятся те проблемы (вынужденным образом), которые не замечают социологи. Другое дело, что экономисты, исходя из своих внутридисциплинарных средств познания, дают неадекватные им решения, чаще всего – «экономизируя» и излишне инструментализируя человеческое поведение, недооценивая символический и культурный план человеческого сознания.

Бедность социального воображения есть отражение «неинтересности» нас друг для друга, что само по себе должно было бы рассматриваться как результат деятельности институтов насилия, определенной структуры институтов власти, организации общественной жизни, постоянных усилий государственной власти по упрощению способов социального человеческого взаимодействия, а стало быть – систематического обесценивания человека, девальвации «другого». Можно сказать, что эффект тотальной принудительной бюрократизации социума (нивелирования отношений социального и культурного неравенства и разнообразия, как об этом писал Вебер¹⁶), многократно усилившего последствия тоталитарного (или еще более раннего – крепостного) на-

¹⁶ Weber M. Die legale Herrschaft mit bürokratischem Verwaltungsstab // Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. Bd. 1. Kap. III. Tübingen: J.C.D. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 124– 130.

слеждая России. По отношению к отечественной социологии (тем более к политологии) отсутствие интереса к реальности, к обычным людям проявляется как стремление подогнать объяснение под готовый ответ – под схемы интерпретации, представленные в университетских (западных) учебниках по социологии. Иными словами, ориентированность на внешние критерии оценки исследовательской работы отражают сильнейшую зависимость ученых от государства (и отсюда – неискоренимо провинциальный характер российской социологии), а следовательно, отсутствие собственных, внутридисциплинарных познавательных интересов и критериев значимости научной работы.

После ликвидации слабых зародышевых институтов демократии в России (и замены их в середине 2000-х годов на структуры «управляемой» или «суверенной демократии») политика как область открытой конкуренции политических партий и определения целей общественного движения была заменена разного рода суррогатными образованиями и имитациями. С установлением жесткой и действенной цензуры публичные дискуссии о партийных программах, социальных проблемах, целях и характере государственной политики полностью прекратились. Телевидение заполняет эфирную пустоту разного рода отражениями власти, саморекламой власти, являя населению образ несменяемого, заботливого и умелого высшего начальства, дополняемого чередой тасуемых и сменяемых нижестоящих чиновников-вре-

менщиков, щедринских помпадуров. Аморфное и лишенное представительства и организации население по-прежнему отделено от механизмов принятия государственных и политических решений и контроля над их осуществлением. Общество, отказавшееся от участия в политике, с подавленной сферой представительства групповых интересов, механизмов определения будущего (структуры политического целеполагания), чрезвычайно ценит свою приватность и «повседневность». Отдав свои права авторитарному режиму в обмен на «гарантии» существования, оно безнадежно понизило уровень своих интеллектуальных и моральных запросов. Повседневная жизнь определяет рамки возможного («чтоб не хуже») и выступает средством противоядия от избыточных мечтаний обывателя. Массовый конформизм определяет *горизонт возможного как практически желаемого*¹⁷. Именно таким и является общество при Путине.

С точки зрения общих национальных интересов (модернизации и развития страны), нынешний режим означает усугубление процессов деградации, захватывающей самые разные стороны общественной жизни России – экономику, внешнюю и внутреннюю политику, культуру, социаль-

¹⁷ Приведу одну цитату из Яна Щепаньского, которую мне когда-то уже приходилось приводить: «Повседневность <...> есть санкция величию и одновременно его тест на выживаемость, его проверка. Революция становится тем, что из нее делает повседневность. Повседневность – окончательная кухня истории» (*Szczepanski J. Reflexion über das Alltägliche // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Opladen. 1979. № 20. S. 322*).

ную сферу (пенсии и здравоохранение) и т. п. Но это точка зрения либералов, сторонников сближения с Западом, откуда только и могут поступать новые технологии, идеи и ценности, без которых длительное благосостояние населения немислимо. Совершенно иные представления о национальных интересах у правящей элиты, паразитирующей на сырьевой ренте и озабоченной лишь легитимацией своей бесконтрольной и несменяемой власти. Отсюда – обращение к давно ушедшим идеологиям геополитики, имперского блеска и пышности, что при отсутствии культуры и вкуса производит впечатление китча и абсурда. Режим, по мнению многих обозревателей, неадекватно реагирует на обостряющиеся проблемы, возникающие в самых разных сферах – будь то коррупция, медицина, наука, ксенофобия, общая деморализация и деградация страны. И это ведет к тому, что частные дисфункции переносятся на более высокий уровень, порождая, в свою очередь, кризис общесистемного характера.

Понимание нынешним руководством страны своего предназначения, своей «исторической роли» сводится к восстановлению статуса «великой державы». Если снизить пафос, то в реальности эти намерения ограничиваются рутинизацией краха тоталитарной системы и обеспечения своего положения. Дефицит легитимности, родовая травма обоих режимов после распада СССР заставляет путинскую администрацию искать ресурсы для массовой поддержки в обращении к суррогатам идеологии групп, уже сошедших с полити-

ческой сцены: идеологии социально-политического консерватизма, псевдотрадиционализма, догматического православия, показавших свое убожество и непродуктивность еще в конце XIX – начале XX века. Все усилия кремлевских политтехнологов (и еще массы жаждущих одобрения власти) сводятся к тому, чтобы подавить любые возможности рационализации и моральной переработки тоталитарного прошлого. Новых идей и смыслов вся эта идеологическая суэта породить не может, но ее итогом оказывается стойкий каркас демагогии и официального лицемерия, блокирующего реальные общественные дискуссии о социальной проблематике и эволюции страны. Наиболее тяжелые последствия это имеет и будет иметь для всей системы социокультурного воспроизводства: деградирующие здравоохранение и образование. Примером здесь могут быть ускоряющееся сокращение медицинских учреждений, численности врачей, ограничение доступа значительной части населения к качественной медицине, растущая бюрократическая регламентация и бессмысленные споры о ЕГЭ, утрата интереса детей к учебе, стерильности школьной и университетской этики.

Еще очевиднее эти процессы проявляются в смысловом пространстве современной русской литературы, по существу, потерявшей своего читателя – объем читательской аудитории, в сравнении с поздним советским временем, сократился в несколько раз¹⁸. Массового читателя можно по-

¹⁸ Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник

нять: преобладающими направлениями в современной премиальной литературе стали социальный садизм и мстительный мазохистский китч. Таковы, на мой взгляд, лучшие романы В. Сорокина, М. Елизарова, З. Прилепина, В. Пелевина, Р. Сенчина или обоих А. Ивановых – екатеринбуржца и «эстонца», Д. Данилова, Ю. Буйды, равно как и других авторов из очень длинного ряда лауреатов «Русского Букера», «Нацбеста», «Большой книги». Поэтому потеря читательского интереса к самоописаниям аномичного и дезориентированного сознания легко объяснима: фактически это никому не нужно, даже самим авторам, если исходить из буквального содержания их текстов¹⁹. Литераторы стали слоем маргиналов, утративших вместе с интеллигентской культурой свое место и чувство предназначения.

Труднее оценить отдаленные последствия такого положения дел: без системы социокультурного воспроизводства, ориентированной на высокие образцы идеализма, не имеет смысла даже надеяться на появление самостоятельного и ответственного индивида, хотя бы идеи такового, не говоря уже о реальном существовании и действии людей с чувством собственного достоинства, а значит, и стремлением к свободе, то есть к отстаиванию своих прав (собственности, инфор-

общественного мнения. 2008. № 6 (98) С. 30–52.

¹⁹ См., например, повести Д. Данилова «Черный и зеленый» (2004), «Горизонтальное положение» (2011). Неудивительно, что массовый потребитель перешел на другие образцы, пусть и сниженные, но более жизнелюбивые и позитивные варианты американской или европейской массовой культуры.

мации, вероисповедания, эстетических пристрастий и т. п.). Низкая или слабая «валентность» ценностей (дефицит значений и смыслов личности) восполняется через этос «потребительского общества», со своей стороны порождая обоснованные подозрения в справедливости и достоинствах этого типа социальной гратификации, и развращенность коррумпированного чиновничества и депутатского корпуса, основных бенефициариев потребительского бума 2000-х годов. Сомнения, что характер потребления может быть эквивалентен «заслуге», достоинству, обусловлены чувством несправедливости действующей в путинской России системы распределения, отражающей не столько индивидуальные усилия и качество достижений (профессиональных, предпринимательских, человеческих), сколько близость к источникам административной ренты и наличие привилегий в распределении.

Причины массового консерватизма заключаются не в традиционализме как таковом, а в отсутствии представлений о том, каким должно и каким будет будущее страны в среднесрочной и дальней перспективе, за счет чего могут произойти желаемые изменения. Это заставляет большую часть населения упорно держаться за настоящее, оценивая его исключительно с точки зрения вчерашнего прошлого (то есть отталкиваясь в своих ориентациях и жизненных стратегиях от «худшего»)²⁰. Ригидность (что точнее в плане дефиниций,

²⁰ Традиционная культура разрушена в ходе социальных катастроф, потрясав-

чем понятие консерватизма) российского массового сознания – производная характеристика, следствие опыта выживания в условиях искусственной безальтернативности тактик и моделей поведения. Отсутствие выбора есть результат используемых авторитарным режимом технологий господства, целенаправленной социальной политики государства, не контролируемого населением и, следовательно, не испытывающего ответственности за свои действия. Фактически это приспособление к политическому, законодательному и экономическому произволу власти.

Симптоматика «исчезновения будущего» указывает на отсутствие идеализма, альтруизма, гуманности, то есть на незначимость понятий более высокого уровня, нежели соб-

ших Россию весь XX век, начиная с Первой мировой и Гражданской войн, но особенно в 1930–1940-е годы советского тоталитаризма (террор, коллективизация, гулаговская индустриализация, принудительное идеологическое «воспитание» и борьба с религией и пережитками прошлого). Об отсутствии спроса на религиозный фундаментализм говорит то, что, несмотря на номинально очень высокий авторитет церкви, большая часть россиян против вмешательства РПЦ в частную повседневную жизнь. Более того, большинство продолжает, как и в советское время, настаивать на том, что церковь должна быть отделена от государства (в среднем так устойчиво считают 56–57 %), за «симфоническое слияние» церкви и государства выступают 30 % респондентов. Апелляции к традиционализму представляют собой попытки кремлевских политтехнологов создать идеологический эквивалент утраченной единой государственной идеологии советского времени. Пока, как показывают социологические исследования, эти усилия не приносят желаемого результата, однако, по мере усиления репрессивной политики и все более жесткой пропаганды шансы на закрепление в массовом сознании основных постулатов этой новой идеологии будут повышаться.

ственно потребительское существование²¹. Без этого крайне необходимого фермента жизнедеятельность современного, то есть непрерывно развивающегося, общества, невозможна. Без него не происходит осмысления новых явлений и процессов в посткоммунистическом обществе, все новое воспринимается и осознается через сетку старых или квазитрадиционных категорий и понятий (геополитики, племенной или великодержавной этики, изоляционизма, антизападничества и т. п.). Возникающие нетривиальные явления и социальные механизмы организации общества, прежде всего – формирование потребительского общества при архаической системе государственного патернализма, не могут быть осмыслены или хотя бы фиксированы в массовом сознании. Для этого даже у «культурной» или «интеллектуальной элиты» нет ни языка, ни средств социальной маркировки или рационализации. В таких условиях обеднение угнетенной символической сферы (аморализм, игра на циническом понижении представлений о человеке, незаинтересованности в других) оказывается основным ресурсом и тактикой власти²². Поэтому в массовом сознании действует максима «понижающей адаптации»: ориентироваться не на что-то лучшее, а стараться не потерять то, что уже есть. Сохранение совет-

²¹ Левинсон А. Г. Гражданское общество в самоизоляции // Ведомости. 10.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii/>

²² Гудков Л. Д. Человек в неморальном пространстве // Наст изд. Т. 1. С. 463–623.

ских ценностных представлений обусловлено всем институциональным контекстом существования, и не в последнюю очередь – мало меняющимся характером работы репродуктивных и образовательных институтов, рутинным воспроизводством предшествующих советских культурных и символических ресурсов коллективной идентичности. А это значит – сохранением характера и способов социализации новых поколений²³.

Следствием такой идеологической политики мог быть лишь подъем аморфных, резидуальных представлений, оставшихся в массовой памяти от предыдущих эпох. Сама по себе кремлевская пропаганда не была бы столь результативной, если бы не атмосфера массовой потребительской культуры, которая в условиях размытого государственного патернализма играла роль катализатора консервативных настроений. Рассмотрим это подробнее.

1. Идеологические основания путинского консерватизма

Необходимость общей рамки понимания текущих процессов. Своеобразие современного русского национализма

²³ Зоркая Н. А. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 44–77; Ее же. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 22–30.

заключается в том, что это – национализм массового ressentимента, выросшего из травматического переживания тотального кризиса конца 1980 – начала 1990-х годов. Он захватил не только сферу экономики (резкое и продолжительное падение уровня жизни, закрытие предприятий или массовые неоплаченные отпуска, безработица, многомесячные задержки зарплаты и т. п.), но и всю институциональную систему советского «общества-государства»: организацию власти и управления, судопроизводства и права, культуры, стратификации и т. п. Распад советского порядка стал причиной обширных аномических процессов и длительного состояния массовой дезориентации, фрустрации и размывания коллективной идентичности. Можно привести в качестве примера не только общий развал государственной планово-распределительной экономики, вызвавший у основной массы населения смену (статистически чаще – снижение) социального положения²⁴, но также и утрату символической сопричастности к «великой державе» и порождаемого этим сознания превосходства над другими людьми и странами в силу идеологической миссии коммунистической империи и ее военной мощи²⁵.

²⁴ Гудков Л. Д. Парадоксы социальной структуры // Наст. изд. Т. 2. С. 148–213.

²⁵ Это, конечно, не единственный семантический мотив в самоопределениях людей по «национальности», но он в качестве регулятивного принципа в объяснении русского (российского) национализма позволяет объединять и синтезировать многообразные проявления и идеологические течения, имеющие место в сегодняшней России, как соподчиненные или функционально взаимосвязанные.

Само по себе идеально-типическое понятие «национализм», если взять сухой остаток различных определений, предполагает лишь признаки массовой «веры в единство общего происхождения» (М. Вебер), представленные в мифах, исторической беллетристике, в метафорах «исторической памяти» или «исторического наследия», якобы общего для всех членов национальной общности, придающего им чувство «чести», «гордости», близкое к сословному сознание превосходства над другими или, по меньшей мере, обладания особыми качествами и достоинствами, которых не имеют другие народы. Эта вера поддерживается и воспроизводится благодаря коллективным (прежде всего государственным) ритуалам и социальным практикам, а значит, посредством принятых техник социализации, обеспечиваемых функционированием образовательных учреждений (поддержанию нормативного состава литературного языка и литературной культуры – «классики», преподаванию истории и обществознания) и других социальных институтов (армии, пропаганды, СМИ, религиозных организаций и т. п.).

Как логическая конструкция понятие национализма достаточно «пустое» (это – «концептуальный туман» или «концептуальная трясина», по выражению К. Гирца²⁶), что позволяет нагружать его любыми значениями коллективности, которые вкладывают в него социальные акторы при апелляции

²⁶ Geertz C. A Contemporary Critique of Historical Materialism // Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 119.

ции к символическим значениям «национальности» и всегда с учетом перспективы других действующих лиц – как своих союзников, так и оппонентов, включая и воображаемых персонажей (например, «врагов», «союзников», «друзей»). В различных контекстах («дискурсах») это понятие обычно наполняется смыслами, привносимыми членами группы, идентифицирующими себя как общность по этническим признакам и всегда только в соответствии с определенными социальными интересами группы: борьбы за статус в иерархии, за общественное или государственное признание, за участие в распределении материальных или идеальных символических благ (казенных или иных доходов, привилегий, льгот, чести, превосходства, силы, благородства, «культурности» и пр.). Тематика национального всегда окрашена борьбой с другими реальными или воображаемыми акторами (соперниками, врагами, союзниками) за престиж, авторитет, власть, социальные позиции, за ресурсы или их защиту, стремлением к достижению идеальных целей, мобилизацией своих сторонников и дискредитацией противников и т. п.

Решающим элементом конструкций национализма следует считать институциональную базу «общности происхождения»: общность может быть представлена *структурами общества* (политической, экономической, классовой, сословной, этнической, конфессиональной, территориальной и т. п.), общины, негосударственными организациями «гражданского общества» или *структурами государства*. Последнее

принципиально меняет националистическую идеологию, поскольку придает ей статус государственной принадлежности (подданства или гражданства), защищенной от критики и изменений силой легального принуждения к ее принятию и защите. Поэтому борьба за институционализацию «нации» (правовое закрепление особенности национальной принадлежности) обычно носит выражено политический характер.

Общий тренд эволюции национальных представлений (как и многих других социальных определений и образцов) состоит в постепенном ослаблении аскриптивности в социальных характеристиках и усиливающейся универсализации значений, которые ранее считались «прирожденными», «естественными», а потому – неизменными, то есть природными – такими, как этническая или расовая принадлежность, пол, статус в социальной иерархии (принадлежность к аристократии)²⁷, в какой-то степени и религия, точнее –

²⁷ Характерно, что претензии российских нуворишей или чекистов, ставших олигархами, на власть очень быстро начинали выражаться как требования признать их «благородство», принять в качестве «нового дворянства» или «благородного сословия». Отсюда берет начала путинский китч и имитация «большого стиля», даже не сталинского ампира, а дворцового барокко русских царей, потешных мундиров кремлевского почетного караула, конных разводов, парадных выездов и т. п. Конечно, это лишь метафоры, риторические приемы языка легитимации сомнительной власти, но именно это и важно принять во внимание. В этом плане любопытен обратный ход архаизации языка политики и кремлевских ритуалов по сравнению со стилистикой политики и практики модернизации, языка интернета (инструментализм, лаконизм, хай-тек, открытость и публичность, демократизм и т. п.).

церковная или кастовая принадлежность. На протяжении XX века мы имеем дело с постепенным процессом размытия и перехода от этнического («примордиального») понимания национализма (единства по крови) к политическому или гражданскому национализму (единству граждан, открытой институциональной общности), то есть сдвига лояльности от одного типа общности (племенной, расовой, этнической, языковой, конфессиональной, локально-территориальной) к другой, предполагающей единство и солидарность по универсалистским критериям общественной причастности (политической, государственно-правовой, культурной)²⁸. Второе не обязательно вытесняет первое, а скорее надстраивается над отношениями первого порядка, дополняя чувство ответственности перед следующими поколениями специфическим комплексом переживаний и сантиментов престижа национальной общности как государства, замещающего прежнее понимание сословной или родовой чести, в некоторых случаях – идеологическим сознанием особой миссии своего «народа» (нации)²⁹.

Политический национализм (общность происхождения равноправных граждан) невозможен без сложного и многообразного, дифференцированного «общества», «граждан-

²⁸ См.: Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017; Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во, 2003.

²⁹ См.: Weber M. Nationalität und Kulturprestige // Weber M. Op. cit. S. 242– 244.

ского общества», то есть системы социальных связей, ассоциаций, объединений, союзов, основанных на солидарности акторов или общности их интересов, а значит – не имеющих в своей основе в качестве конституирующих отношения господства и подчинения. А потому политический или гражданский национализм сам по себе уже является симптом современного, то есть постмодерного, состояния общества. Концептуальные двусмысленности возникают потому, что попадающие в поле внимание исследователей феномены модернизации и, соответственно, строительства национальных государств исходят как нормы интерпретации из первых теорий национализма, построенных на опыте европейских политических движений к национальному государству.

Положение этнической общности в закрытых, иерархических системах оказывалось равнозначным «сословному» со всеми сопутствующими значениями «чести», «благородства», «превосходства» или, напротив, лишенности ценности, когда речь идет не о сопоставлении с другими «народами», «странами», а о принадлежности к «верхам» и «низам». В этом плане принадлежность к «народу» синонимична с общностью в «низости», «подлости» и других подобных социальных маркировках, указывающих на ее низкий статус или занятия, которые вызывали у других групп презрение, страх, отчуждение и порождали у членов общности чувство коллективного унижения, подчиненности, иногда – несправедливости социального порядка. Соответственно, появле-

ние в публичном пространстве свидетельств подобных отношений может служить более адекватным признаком многослойности социальных структур, сочетания архаических и современных пластов регуляции, чем формальные характеристики государственных образований³⁰.

В условиях сильной и длительной дискриминации этнонациональной общности (или этноконфессиональной, этносословной группы, определенной по аскриптивным, то есть внешне приписываемым и не подлежащим изменению признакам), понимания отсутствия каких-либо реальных перспектив улучшения положения группы, тем более – сознания абсолютной безнадежности положения, у ее членов возникают утопические конструкции «национального» и, возможно, при некоторых обстоятельствах, эмансипационные идеоло-

³⁰ Так, погромы и межплеменная резня в Средней Азии (например, в Ферганской долине), или в Туве в конце 1980-х годов, или на Кавказе (в Сумгаите), межэтнические столкновения (изгнание турок-месхетинцев в Грузии, столкновения между осетинами и ингушами в Пригородном районе, между грузинами и абхазами, выдавливание русских из Чечни и т. п.) указывают на существование социальных симбиозов – разнопорядковых институциональных структур, то есть сплетения как бы уже вполне «модерных», советских, формальных систем регуляции и отчасти архаических, отчасти совершенно новых, но партикуляристских и неформальных структур отношений, взрывающихся в какой-то момент из-за ослабления сдерживающих механизмов. И, напротив, отсутствие подобных столкновений в Прибалтике – при всей напряженности отношений между «титულიной» нацией и «понаехавшими» – может служить признаком более развитого, если не современного общества. См. об этом, например, соответствующие разделы в кн.: Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе / сост. и отв. ред. Э. Ян: в 3-х т. Т. 3: Национализм в национально-территориальных образованиях. М.: РОССПЭН, 2010.

гии нации, консолидация на основе идеи «освобождения» – от империи или другой угнетающей нации, доминирующей религии. Так было в Польше, в балтийских странах, у некоторых народов Кавказа и др.

Напротив, закрепление господствующих позиций властвующей группы может обосновываться поддержкой подданных, апелляция к аморфной массе которых строится на мифологии «общности их происхождения» с власти предержащими. Тем самым некоторые значения власти (приписываемые властью самой себе добродетели и воображаемые достоинства – героизм, патриотизм, готовность к самопожертвованию, высокая нравственность, бескорыстие, духовность и т. п.) распространяются на всех подданных.

Соответственно, присвоение социально депримируемыми группами символического статуса, которым наделены те, кто у власти, кто обладает ресурсами, благами, означает не просто постулирование их родственности (единства происхождения), но и намек на то, что и у низовых слоев также есть своя толика «чести», частные привилегии, права на преимущественное занятие некоторых социальных позиций (право на госслужбу, работу в правоохранительных органах или системе образования, продвижение по карьерной лестнице), которыми пользуются высокостатусные группы. Например, претензии на получение преференций при распределении социальных благ (в социальном обеспечении или медицинском обслуживании, получении жилья, работы

и пр.). Квалификация русских как «государствообразующего народа» может выступать как основание для претензий на получение дополнительных льгот или преимуществ, то есть быть маркером социального неравноправия в низовых слоях.

Интеграция целого строится на сознании угроз (внутренних или исходящих извне) положению членов общности, возможной апелляции к власти за защитой (восстановлением справедливости) и необходимости ответной поддержки власти³¹. Доступным и понятным характер идеологического использования конструкции «национализма» делает только конкретизация латентных интересов «этнонациональной» или «национальной» группы. Никакой же общей теории «национализма» не может быть создано, поскольку весь смысл концептуальной работы в сфере исследова-

³¹ Без учета таких составляющих крайне сложно понять движения массовой ксенофобии в постсоветской России, в частности – мигрантофобию, агрессию в отношении кавказцев и т. п. Сложные по составу ресентиментные переживания населения: «понаехали тут», «в школах уже большинство нерусских детей», везде «засилье» кавказцев или азиатов, «они нас не уважают» и тому подобные – порождены, помимо прочего, страхом утраты социальных возможностей (прав на получение социальных благ в системе распределительного государства), с одной стороны, и недовольством «бездействием властей», слабой защитой «коренного населения» – с другой. Эти ожидания становятся особенно значимыми именно в настоящее время, когда реальные возможности государства, потенциал распределительной экономики заметно слабеют и у массы зависимого населения возникает тревога и беспокойства относительно того, что им достанется. Во всяком случае, государственный патернализм и ксенофобия (массовый или низовой национализм) соединяются здесь в одном комплексе неполноценности и агрессии. Можно сказать, что это две стороны одной медали.

ния национализма заключается в сравнительно-типологическом описании своеобразия того или иного проявления или вида «национального» (движения, идеологии, институциональных практик), отталкивающегося от генерализованного понятия «национализма», получающего нормативный характер, но именно потому непродуктивного в эмпирическом плане. Хотя сами по себе интегративные представления о коллективном целом лишены определенности, они служат условием для экспликации исторического или политического представления о «национальном». Другими словами, конструкции коллективного целого могут быть развернуты в любом отношении, которые оказываются значимыми для институтов господства.

Поэтому эмпирическая типология национализмов требует учета идеологического или политического характера значений национального – тех смыслов, которые вкладывают действующие акторы в понятие национального целого: здесь могут быть значимы моменты территориальной целостности, а следовательно – скрытая апелляция к власти как к силе, удерживающей единство регионального управления, к значению государственного языка (культуры, истории, литературы), то есть контроля в школах над подрастающим поколением и т. п. Национализм может быть *эмансипационным* (подчиненным в первую очередь требованиям гражданского общества, ориентированным на модель национального государства), соединяясь при этом с *идеологией модерни-*

защиты, либо, напротив, *защитным и компенсаторным* (подчиненным интересам правящего режима в сохранении сложившегося порядка, как в России, или каких-то радикальных групп, претендующих на власть, как это было в Германии или Италии, даже во Франции в 1920–1930-х годах)³².

Для наших целей – анализа процессов в посткоммунистической России (другие страны здесь выступают лишь как основание для сравнения) – в общем и целом достаточно такой дихотомии для первичной проработки эмпирического материала, получаемого в ходе социологических исследований общественного мнения.

В первом случае интересы коллективной консолидации предполагают освобождение этнонационального сообщества («народа», «нации») от империи или какой-то другой внешней силы, как это было в Восточной Европе в момент краха социализма или в короткий период распада СССР и «выхода» союзных республик из Союза или попыток руководства автономных республик РСФСР повторить их опыт (Чечня, Татарстан); во втором – массовые интересы связаны с задачей сохранения патерналистского государства, с иллюзиями в отношении него.

Ключевые идеологические моменты современного русского национализма тесно соединены с травматическим пе-

³² См., например, типологию национализмов у П. Олтера, построенную на различении двух основных видов идеологий: освободительного, например Рисорджименто, и интегрального, экспансионистского или реакционного (*Alter P. Nationalism. London: Edward Arnold, 1989*).

реживанием краха СССР и поражения в холодной войне, утратой статуса супердержавы, занимавшего центральное место в структуре коллективной идентичности русских. Сознание принадлежности к огромной стране, одной из двух самых мощных в военном плане, которую «раньше все в мире боялись и уважали», восполняло у «маленького человека» никогда не проходящее чувство повседневного унижения, сознание хронической бедности, бесправия и зависимости от наглой и деспотической власти. В этом отношении русский национализм, как бы ни различались его отдельные версии и течения, питается негативной энергией массового ressentimentа, с одной стороны, и коллективной фрустрации, с другой. Он лишен образов будущего, обращен в мифологизированное прошлое и занят преимущественно поиском внутренних и внешних врагов, виновников краха империи (второго на протяжении XX века), деградации страны, неудавшегося демократического транзита, незавершенной модернизации и т. п.

Поэтому можно характеризовать идеологию русского национализма как хроническое изживание навязчивых комплексов национальной неполноценности, порожденных повторяющейся при каждом новом режиме неудачей модернизации общества и болезненным переживанием исторической драмы несостоявшегося национального государства. Эта идеология радикально отличается от задач национальной консолидации, коллективной мобилизации для осво-

бождения от внешнего господства, как это было в странах Восточной и Центральной Европы. Русский национализм носит защитный, компенсаторный, утешительный характер, будучи «оборотной», теневой стороной слабеющего великодержавного сознания. Никаких целей развития он не выдвигает и выдвинуть не может. Такого рода идеологии активизируются всякий раз, когда разворачивается кризис политической системы, возникает проблема смены или переходного состояния власти, а значит – необходимость ее оправдания и легитимации. Самые влиятельные идеологические течения русского национализма выполняют чисто консервативную функцию – апологию наличной структуры господства, а не выработку политических целей национального развития³³. Смысловые основания прославления (или критики) власти могут радикально различаться между собой: от ностальгии по советскому коммунизму до блеска и величия бывшей российской империи, от мифов о расовом превосходстве русских до православного фундаментализма.

В новейшей истории России было четыре волны национализма, идеологические ресурсы которых используются пу-

³³ Интересно, что подобные идеологические взгляды стали заметны после первых признаков разочарования в реформах и падения популярности демократов, однако тогда мало кто, включая и самого автора, рассматривал их всерьез, полагая, что у подобной эклектики нет будущего. См.: *Гудков Л. Д.* Амбиции и рессентимент идеологического провинциализма. (О монографии И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе») // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 353–371.

тинскими пропагандистами и в настоящее время:

1) появление в начале XX века первых русских националистических партий и движений, представивших философию русского национализма (после реформ Александра II и вызванных ими противоречий между архаической системой патримониального бюрократического господства и быстрым развитием капитализма, соответственно, появлением зачаточных форм гражданского общества, сословного и местного самоуправления);

2) националистическая легитимация тоталитарного государства в 1930–1940-х годах. Отказ от идей «перманентной мировой революции» и переход к «построению социализма в одной отдельной стране» означали своеобразную идеологию реставрации империи. Первоначально она была нужна Сталину для того, чтобы оправдать ликвидацию партийных функционеров предшествующего поколения («старых большевиков») и подкрепить установившиеся институты господства апелляцией к дореволюционным традициям. После Второй мировой войны русский имперский национализм стал основанием для установления защитных барьеров против проникновения западных идей, демократической культуры, воспитания русско-советского патриотизма в ходе кампании борьбы с космополитизмом;

3) в эпоху брежневского «застоя», наступившего после свержения Хрущева, русский национализм стал постепенно приобретать характер полуофициальной идеологии. Комму-

нистическая идеология, окончательно дискредитированная хрущевскими реформами и подавлением «Пражской весны», фактически умерла. Советское руководство от целей коммунистической экспансии перешло к задачам консервации советской системы (именно на этот период приходится время социализации нынешнего руководства России);

4) последняя волна русского национализма поднимается после прихода Путина к власти. Реформаторы и ориентированные на Европу либералы в правительстве вытесняются сотрудниками органов госбезопасности. Это время реванша советской номенклатуры за поражение начала 1990-х годов, восстановление, а затем и закрепление господства антидемократической, антизападно настроенной бюрократии с характерной для нее идеологией «сильного государства» и приоритетом государственных интересов, осуждением «разгула демократии в 1990-е годы» и западного либерализма.

Путинская идеология (восстановление морально-политического единства власти и народа) сводится к следующим тезисам: «стабильность» (несменяемость власти), преодоление «хаоса», вызванного ельцинскими реформами, «традиционализм» или «возрождение Великой России», особый статус православия и его значение в деле «нравственного воспитания» общества («духовные скрепы»), борьба с западным влиянием (на роль «агентов» которого кремлевские политтехнологи назначили организации гражданского общества и движения за правовое государство и права человека).

Признаки неотрадиционалистского поворота в политике Путина появились в 2004–2005 году, перед празднованием 60-летия Победы во Второй мировой войне, превратившемся в помпезный, растянутый на год церемониал государственного величия. Произошедшая смена персонального состава российской элиты, замена демократов на КГБешников и генералов требовали иной легитимации политики и власти. Путин выразил его в своей мюнхенской речи в феврале 2007 года как принцип противостояния России и Запада, противоречия между США, «стремящимися к мировому господству», и возрождающейся, усиливающейся России, которую именно поэтому западный мир воспринимает как конкурента, которого стоит опасаться. Обратный смысл этой мифологии, определяющей направленность новой политики руководителей России, сводился к утверждению зоны особых приоритетных интересов России («русский мир», то есть все постсоветское пространство), что предполагало принятие системы защитных мер и изоляцию от вмешательства западных стран («экспорта демократий»), утверждение принципа «многополярного мира», свертывания курса на построение правового государства, приоритетность национального законодательства и ограниченный суверенитет международного права.

Оправдывающая эту политику национальная идеология представляла собой эклектическое смешение всех предшествующих обоснований русского национализма: реабилита-

ция Сталина и советской государственной системы сочетается здесь с прославлением царских министров и генералов, усиление милитаристской риторики – с православием и цензурой в сфере культуры, СМИ, образования; историософия и мистика с запретом на критический анализ советского прошлого.

Восстановление патриотической гордости – при отсутствии видимых достижений – могло происходить только за счет навязывания обществу представлений о враждебности окружающего мира. Населению, с одной стороны, постоянно внушалась мысль о том, что западные страны, в первую очередь США, стремятся ослабить Россию, расчленить ее, поставить под контроль ее сырьевые богатства, что Запад – это исторический враг, насаждающий чуждую русской культуре мораль и идеологию либерализма, прав человека, разрушающий основы государственной солидарности. С другой – шло и идет непрерывное самовосхваление, подчеркиваются особые качества «духовности», «открытости», миролюбия и доброты русских. Тем самым проводится идея изоляционизма и «особого пути» развития России, отличного от западной модернизации, необходимости опоры на собственные силы, автономное развитие экономики.

Восстановление тотальных структур массового сознания шло незаметно для самого общества. Можно выделить два типа реанимированных идеологем: первые характерны для «закрытого общества» (*демагогия осажденной крепости*),

страны, находящейся во враждебном окружении, нуждающейся в особых средствах защиты, требующей особого режима существования (бдительности, заботы о национальной безопасности, территориальной целостности), вторые – риторикой *государственного патернализма*, вобравшей в себя как остатки социалистической идеологии и массовой политической культуры советского времени, так и элементы новой постсоветского времени – болтовню о социальном государстве, национальные проекты и т. п.

Процесс реставрации структур тоталитарного сознания шел постепенно, одни понятия и представления замещались другими или играли роль вводных образований для последующей их замены на собственно тоталитарные идеологии. Так, борьба с терроризмом (порожденным неспособностью новой власти решать проблемы нового федеративного государственного устройства – перейти от унитаризма к федерализму) трансформировалась в борьбу с международным терроризмом, потребовавшим военного вмешательства во внутренние дела других стран и участия в войнах за пределами России. Борьба с мнимым влиянием Запада (угрозой со стороны НАТО, США и других стран) способствовала переключению внимания общества с внутренних проблем на внешние, обоснованию необходимости применения чрезвычайных мер – «укрепления государства» (то есть освобождения власти от общественного, в том числе – парламентского, партийного, публичного контроля), отмены свободы сло-

ва и информации, а значит – превращению правящей клики в суверенного обладателя государственной машины насилия и принуждения и права распределения национальных доходов.

Государственный патернализм: базовая структура постсоветского массового сознания. Внешняя политика – область наименее проблематизируемая массовым сознанием. Она даже номинально не подлежит контролю со стороны «общества». Другими словами, внешняя политика в России, с точки зрения общественного мнения, приобрела чисто символический³⁴ или церемониальный характер, став обязательным предметом всеобщей аккламации. Поэтому она (как и военная доктрина или доктрина национальной безопасности) полностью закрыта для рациональной дискуссии в обществе³⁵.

Внешняя политика квалифицируется либо как череда политических провалов у реформаторов и демократов – у Горбачева и у Ельцина, либо как область наиболее значимых достижений – у Путина. Без переходов и аргументов. Само по себе такое восприятие какой-то области жизни указывает на «сверхценный» характер происходящих в ней событий. От-

³⁴ В семиотическом плане «символ» – это знак, управляющий другими знаками, то есть регулирующими или демонстративными действиями.

³⁵ Павлов И. Ю. ФСБ под прикрытием // Новая газета. 10.04.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/10/84823-fsb-pod-prikrytiem-epidemii>.

сюда – невозможность спокойного и прагматического анализа, болезненная чувствительность к вопросам «представительства национальных интересов» и «защиты национального достоинства»³⁶. Особая важность этой тематики связана с тем, что других возможностей выразить значения «всего целого», национального единства, кроме как представив свою страну в борьбе с другими странами и силами (соответственно, с исходящими извне опасностями и угрозами), нет. Взгляд на коллективное целое семантически возможен (допустим) лишь как точка зрения власти, руководства страны. В этом заключается суть идентификации «страна – власть», «Запад — Россия», «враг – “лишь бы не было войны”». Страна не существует как совокупность самодостаточных и достойных самих по себе граждан, а лишь как власть («государство»), руководствующаяся только своими интересами, а значит – обладающая полным суверенитетом в отношении неопределенного множества своих подданных.

Частые споры по поводу того, движется ли Россия в сторону национального государства либо остается по преимуществу империей, довольно схоластичны. Их суть – сведение своеобразия российской государственности к одному из общепринятых классификационных определений. Если же

³⁶ Примером подобного отношения могут служить «войны памятников» как важнейшие темы пропаганды. Они дают повод для яростных обличений «фашистов» и «русофобов» в бывших соцстранах, переносящих с ранее установленных мест или демонтирующих памятники советским солдатам (Эстония, Болгария) или генералам (Польша, Венгрия, Чехия), Ленину (Украина).

исходить из содержания массового сознания, стараясь выделить определяющие коллективные установки и конвенции относительно природы российского государства, то здесь доминантным признаком «государства» будет идея права на насилие, на принуждение, ничем иным не обоснованное, кроме самого статуса государства. Другими словами, российское понятие «государства» логически тавтологично, государство – самотождественно, самодостаточно. Сам акт высказывания о государстве (власти) определяет, конституирует, формирует значения подданного, гражданина, подчиненного, обывателя – человека, во всем зависящего от государства. «Национальность» здесь – не характеристика единицы из множества равнозначных субъектов, образующего все целое, а лишь маркировка принадлежности или отнесенности к одному из государственных таксономических классов обывателей, которые не могут сами по себе стать «политическим телом». Точно так же в понятии «империя» значимым и привлекательным остается только одна идея: это идея насилия, объединяющего все разнородные территории путем принуждения или завоевания. В ней нет других общих значений, кроме триумфа силы, героизма колониционных завоеваний, милитаризма, права повелевания. Дело не в империи как конституционной форме государства или истории его возникновения, территориальном принципе организации и управления, а в принципе легитимности – суверенности субъектов насилия. Поэтому в российском контек-

сте «национальное государство» – это синоним «государства подданных русской власти».

В этом отношении оно имеет общее, взаимосвязанное или пересекающееся содержание с понятиями «патернализм», «национализм», «консерватизм», «империя», «великая держава» и другими, аналогичными по функции. Правильнее было бы сказать, что они имеют родственное происхождение, у них общие корни или истоки, общая посылка: консолидация через насилие. Поэтому важнейший фактор национального или коллективного «единства» – это всегда объединение не «за», а «против».

В публичном поле могут быть представлены (допустимы) лишь успехи руководства страны, защищающего «национальные интересы России», или осуждение «преступных ошибок» предшествующего руководства – отдача Крыма, вывод советских войск из Германии, «беловежский сговор» и пр.³⁷

Суть этих «интересов» сводится к трем пунктам:

а) актуальная защита режима, его сохранение, то есть обеспечение условий функционирования крупнейших корпораций, возглавляемых доверенными лицами из ближайшего окружения Путина (уравнивание интересов отдельных

³⁷ Но никогда под такую характеристику не попадали ни Ялтинская конференция, ни пакт Молотова – Риббентропа и т. п. Попытки переоценки их сегодня законодательно квалифицируются как акты «фальсификации истории», а некоторые и как уголовные преступления, выражающиеся в пересмотре хода и итогов Второй мировой войны и действий советского руководства.

групп с интересами всего населения);

б) противодействие «экспансии Запада», в частности – расширению НАТО: подавление либеральных идей и ценностей демократии, отказ от приоритетности международного права, прав человека, всего, что противостоит смысловым основаниям репрессивных режимов, утверждение символического авторитета России в мире;

в) поддержание стабильности в «многополярном мире» (сотрудничество с консервативными, авторитарными или антизападными режимами как условие ослабления господства США, ЕС и других демократий).

С приходом Путина к власти населению упорно навязывается мысль о спасительности возвращения к национальным традициям, к ценностям патриотизма. Пропаганда подавала и интерпретировала любые действия Путина как исключительно персональный успех «национального лидера», получавшего «безусловное признание в мире»³⁸.

Такое положение остается вплоть до настоящего времени: область внешней политики признается всеми в стране (включая – что важно для понимания происходящего в России – и оппозиционных политиков) сферой наивысших достижений и успехов Путина. Как показывают опросы общественного мнения, Путин не добился серьезного прорыва в экономике; не смог решить по существу чеченскую проблему; про-

³⁸ Здесь полная аналогия с технологией рекламы, например, шампуня: «Все в восхищении смотрят на тебя!».

вальной считается его борьба с коррупцией и преступностью; государство функционирует крайне неэффективно и т. п.³⁹ Но его международная политика, как признает российское общественное мнение, чрезвычайно результативна. Главное его достижение заключается в признании и восстановлении «авторитета России на международной арене»..

Взаимосвязь патернализма с национализмом очень глубокая – их роднит не просто резкое упрощение реальности (через устранение, вытеснение представлений о сложности, разнообразии, структурно-функциональной дифференцированности общества), но и язык понятий: патернализм апеллирует к органическому стилю мышления, к восприя-

³⁹ Однако, несмотря на эти изменения (а может быть, вследствие их) легитимность самого Путина, занявшего в третий раз, вопреки нормам Конституции РФ, пост президента, к 2013 году ослабла: общество начинало уставать от него и требовать политических свобод, честных выборов, участия в политике новых людей, новых политических программ. Причины падения популярности «национального лидера» лишь косвенно связаны с путинской идеологией государственного национализма. Массовое недовольство было вызвано в первую очередь снижением уровня жизни после экономического кризиса 2008–2009 годов, сокращением социальных расходов государства и усилением бюрократического давления на бизнес и общественную жизнь, нарастанием коррупционных скандалов в высшем руководстве. Правительство оказалось не в состоянии отвечать на патерналистские ожидания своих подданных – гарантировать необходимый уровень существования (а это основа легитимности авторитарного правления). Популярность Путина (его личный рейтинг) к концу 2013 года оказался в низшей точке за все годы его правления. Но общественное раздражение из-за подавленности общественной и политической жизни, цензуры в СМИ могло найти выход для себя лишь в разнообразных формах ксенофобии, достигшей самого высокого уровня за все годы социологического наблюдения.

тию отношений людей с властью как квазисемейных, как бы родственников, воспроизводя вместе с тем иерархию соподчинений отца и детей, авторитет и безусловный статус главы дома или рода, признаваемый другими членами семьи, его право на принуждение в отношении всех «младших» или зависимых членов рода⁴⁰.

Таблица 1.1

Как вы считаете, сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?⁴¹

Без опеки государства большинство прожить...	1990 XII	1997 IV	2007 VII	2008 VII	2009 XI	2010 VIII	2011 XI	2012 VII	2013 X	2014 X	2015 VIII	В среднем
сможет	21	17	21	15	15	15	19	20	20	19	21	20
не сможет	62	72	74	81	80	77	75	76	70	74	69	73
затрудняюсь ответить	17	10	5	4	5	8	6	4	9	7	10	7

Патернализм постулирует неравноправие отношений государства, зависимости подданных от власти. Выражением

⁴⁰ На существование сознания таких отношений указывает уже сама органическая метафорика: происхождения, рождения / смерти, любви / ненависти, здоровья / патологии (болезни), зрелости / незрелости, молодости / древности, своих / чужих, полноправных носителей культуры / неполноценных и т. п. Она включает модальность «естественности», очевидности, действительности, которые не требуют дополнительного обоснования или аргументации высказываемых суждений. Такого рода модальность высказываний носит характер аподиктичности, суггестии.

⁴¹ Однако абсолютное большинство (от 56 до 65 % в разные годы замеров) живет, «полагаясь только на самих себя и не рассчитывая на государство».

этой асимметрии является «потребность граждан в заботе» о них власти, без которой они не могут существовать, в которой они нуждаются (*табл. 1.1*). Вместе с «заботой» вводится априорная антропологическая посылка о ценностной неполноте или ограниченной дееспособности частного человека и, напротив, превосходстве и суверенитете власти (держателей власти, то есть круга или группы лиц, апроприирующих и приватизирующих все ресурсы государства – от средств насилия и принуждения до прав собственности и распоряжения общим «богатством»). Государственный патернализм предполагает насилие и дополняет его функцию – ценностную дисквалификацию объекта насилия, проекцию на него представлений, отказывающих частному человеку, индивидуальности в ценности и значениях самодостаточности и автономности. Тем самым государственный патернализм (в разных его вариантах – от социализма до авторитаризма или тоталитаризма) присваивает права на определение условий ограничения свободы и прав отдельного человека. Он устанавливает приоритетность потребностей (вменяемую людям иерархию необходимого и желаемого) и интересов целого над ценностями автономной субъективности. Речь не только о налогах, но и о праве объявления войны или чрезвычайного положения, введения новых законов, ограничивающих пространство свободы граждан, доступности той или иной информации, образовании, мобильности и многом другом. Иными словами, речь идет о распределении вменя-

емых прав и социальных статусов.

Компенсируя эту неполноценность гордостью («честью») принадлежности к национальному целому, патернализм в социальном отношении равнозначен снятию ответственности с граждан. Лишь за властью остается право на «определение реальности», речевые конструкции действительности, которые позволяют пропаганде манипулировать общественным мнением. Однако это не означает, что такую ответственность действующий режим принимает на себя. Как показывает опыт начала второй чеченской войны или другие экстраординарные ситуации (теракты на Дубровке или в Беслане), высшее руководство страны (президент, правительство) всячески старается избежать этого, перекладывая ответственность на других подчиненных, отказываясь от правовых форм регулирования как самого конфликта, так и поведения в нем (не объявляя военного или чрезвычайного положения, которое требовали правозащитники во главе с С. А. Ковалевым, поскольку эти объявления ставили бы правовые рамки участникам конфликта, а значит – вводили бы ответственность за преступления против гражданских лиц, обращение с пленными и т. п.)⁴².

Сдача субъективной ответственности обывателя госу-

⁴² То же поведение мы видим и сегодня в связи с распространением эпидемии коронавируса в России: требовать «самоизоляции», наказывать, штрафовать, устанавливать блокпосты – да, вводить режим «карантина» или чрезвычайного положения, обеспечивать поддержку населения, бизнеса – нет, поскольку «бюджет не выдержит» (*Примечание 2020 года. – Л. Г.*).

дарству одновременно задает и квазиперсоналистического «другого» – как союзника и партнера (Беларусь, Китай и т. п.), так и врага или чужого (США, Украина, Польша, балтийские страны), в массовом сознании предстающего как антипод России, то есть как субъект действия со своими желаниями, стремлениями, фобиями и т. п.

Другими словами, патерналистское сознание моделирует мир по образцу ослабленных или стертых традиционных или повседневных ролевых отношений в общине соседей, родственников, землячеств и тому подобных неформализованных, несовременных образований. Это не только отношения людей с властью в узком смысле, это конструкция реальности, включающая все коллективные конструкции единства, общности, национального «целого»: они все подчинены основной идее государственной власти, заботящейся о народе, но «заботящейся» монопольно, ни с кем не разделяя своего обладания средствами принуждения, то есть собственно инструментами власти. Причем власти, оставляющей за собой право определять, что есть «коллективное целое», что есть «право» (разводя тем самым «легитимность» и «легальность»), что есть «национальное» (опять-таки – «правильно национальное») и где границы этого «целого».

Консервативный национализм и авторитарный патернализм – это гомоморфные и гомологичные структуры сознания. Эффективность государственно-националистической демагогии обеспечивается тем, что фокус идентичности все

время переходит с одного целого на другое, с власти – на ее негативную проекцию: врагов, других, чужих, на необходимость защиты от других или сопротивления другим. Иными словами, идеологические значения, латентно подразумеваемые, стерилизуют любые универсалистские представления и регулятивные системы (такие как мораль, формальное право, в особенности – международное или основанное на принципах защиты прав человека, его собственности, свободы, дееспособности и т. п.). Напротив, постулируется и требуется максимальная лояльность к власти, к государству, претендующему на монопольное представительство значений всего целого.

Поэтому спорадически проявляемое недовольство и раздражение, вызываемое неудовлетворенностью социальной политикой патерналистского государства, коррупцией «своих» чиновников или «неприкосновенных» членов ближайшего окружения Путина, при неразвитой правовой и представительской структуре институтов общества ведет не к организованному политическому протесту, а к стойкому ресентименту в отношении власти (обида на власть) и усилению механизмов негативной идентичности (значений внешних угроз, опасности, исходящей от чужих, отрицания или девальвации базовых ценностных представлений, образующих структуру национальной идентичности). *Националистический ресентимент поэтому не просто теснейшим образом связан с государственным патернализмом, а является*

ся другим выражением того же типа массового сознания.

Недовольство властью, обнаруживаемое у большей части населения, главным образом в социологических опросах, сохраняющих свой конфиденциальный и анонимный характер, не проявляется в формах открытой публичной или политической деятельности. Причины этому разные – покорность и страх, идущие от опыта выживания в тоталитарном и репрессивном государстве; привычная культура двоемыслия и лицемерия; терпение и сознание безальтернативности своего положения. Они – наследие привычных тактик поведения по отношению к принудительным порядкам (колхозной жизни, паспортной системы, прописке, закреплению рабочих в советское время на производстве и т. п.).

Таблица 2.1

Гордитесь ли вы нынешней Россией?

	2006 III	2007 X	2008 X	2010 IV	2013 X	2014 X	2015 X	2016 V	2017 II
Определенно да	19	27	22	18	13	37	28	28	24
Скорее да	29	33	40	37	40	49	42	40	43
Скорее нет	32	23	23	27	30	5	16	18	19
Определенно нет	16	12	6	7	10	1	5	5	6
Затруднились ответить	5	6	9	11	7	8	9	9	8
Да / нет	1,0	2,4	2,1	1,6	1,3	14,6 (!)	3,3	3,0	2,7

Однако зависимость от власти (даже при сохранении хронического недовольства ею гражданами в качестве частных лиц) может принимать превращенную, положительную форму – одобрения ими действующих порядков в качестве *под-*

данных национально-государственного целого, коллективных субъектов. В этой плоскости персонифицированная власть (национальный лидер, президент) становится символическим выражением социального целого, которое ассоциируется с патерналистским государством, а «дисциплина», принудительный «порядок», наличие «сильной руки» оправдываются «высшими интересами» страны. Одобряется не отдельный чиновник (даже высшего ранга), а авторитет «великой державы».

Хроническое сознание неполноценности, зависимости, унижения и порождаемый ими социальный ресентимент в таких условиях «снимается» лишь общим чувством национального величия. От 70 до 80 % считают себя патриотами России и гордятся тем, что живут в России⁴³. Гордость же нынешней Россией высказывают несколько меньшее число опрошенных: в среднем за десятилетие – 55–62 %.

Социальное достоинство, то есть коллективное выражение или признание его «ценности», индивиду может быть придано лишь сознанием принадлежности к большому и сильному государству, «своей стране». Других механизмов его удостоверения обществом нет, поскольку в этом плане нет и «общества».

В подобном сознании нет ничего от права (в том числе и сознания своих прав), а стало быть – и от политического

⁴³ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2013. С. 34–35. Табл. 3.1.14–3.2.2.

или гражданского национализма, есть лишь идеологически вменяемое «чувство силы», огромности ресурсов: территориальных, людских, мобилизационных, а стало быть – потенциала принуждения других. Поднятая пропагандой в 2014 году волна антизападных настроений сопровождалась переживанием гордости за Россию и еще более важным сознанием принадлежности к ней (табл. 2.1). Октябрьский опрос 2014 года дал самый высокий показатель «гордости» этого рода за все время исследований (86 %). На протяжении всего периода «крымской эйфории» 2014–2016 года 58–64 % были согласны с тем, что «Россия лучше большинства других стран».

Рост ксенофобии как симптом социальной напряженности и дезорганизации. За год до украинского кризиса и резкого поворота в российской политике социологические исследования «Левада-Центра» зафиксировали рост массовой диффузной ксенофобии, достигшей к октябрю 2013 года максимальных значений за весь 25-летний период исследований (1989–2014 годы, рис. 1.1). Таким образом ущемленное массовое сознание отреагировало на ликвидацию политики как пространства не столько открытой конкуренции политических партий, сколько связанных с ним публичных дискуссий о целях национального развития. Слабые демократические институты были заменены механизмами «управляемой» или «суверенной демократии». Пре-

кратилось обсуждение социальных проблем, то есть цены и средств их решения, изложенных в политических программах как прокремлевских, так и оппозиционных партий. А это означает, что исчезло и сознание ответственности людей за проводимую руководством страны политику. Общество оказалось полностью отделено от механизмов принятия государственных и политических решений и лишено контроля над их реализацией. Социальное недовольство и напряжение, особенно сильное в провинции, не находило себе выхода, а значит, и не могло быть рационализируемым в ходе публичных дискуссий.

Следствием этой блокировки общественного мнения стало усиление чувства несправедливости установившегося социального порядка, сознание «испорченности», коррумпированности власти на всех уровнях, прежде всего – тех институтов, которые должны поддерживать правопорядок и защиту населения (местная администрация, полиция, суд и т. п.). Реакцией на искусственную склеротизацию власти стали не общественные движения, легальные и общепринятые политические формы самоорганизация общества, а все более частые столкновения отдельных групп населения с органами власти: забастовки, трудовые конфликты, обман строительными компаниями дольщиков, невыплаты зарплат, ДТП и другие правонарушения, совершаемые местными чиновниками, все чаще приводили к массовым акциям протеста, перекрытию дорог и т. п. А затем начались националисти-

ческие эксцессы, погромы, хулиганские манифестации – выход на Манежную площадь московской молодежи в декабре 2010 года означал, что эти конфликты стали публичными. Они явились столичным выражением накопившихся напряжений, прорывавшихся в провинции и ранее – в Кондопоге, на Ставрополье и других местах. Это было лишь выходом на поверхность того диффузного и неоформленного недовольства властью, которое накапливалось после кризиса 2008 года, но принимало форму смещенной этнической агрессии и неприязни, основным объектом которой стали кавказцы и мигранты из Средней Азии. Впрочем, эти феномены обществом, не подготовленным к осознанию природы таких напряжений, воспринимались как отдельные иррациональные эксцессы.

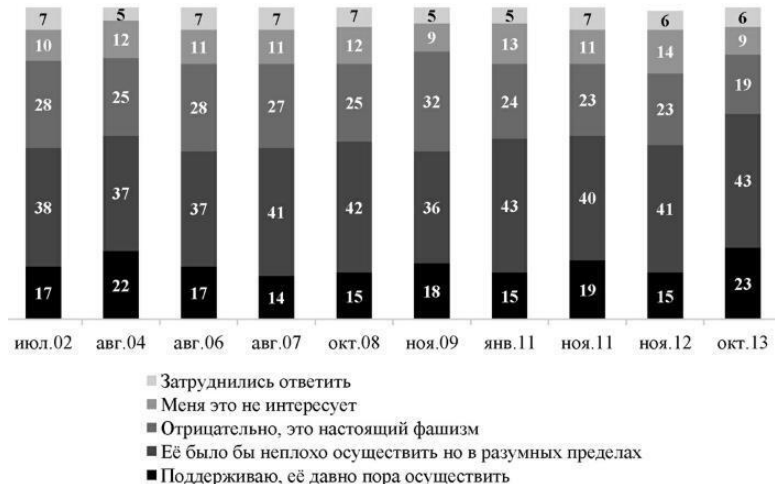

Рис. 1.1. Как вы относитесь к идее «Россия для русских»?

Доля утвердительных ответов на вопрос: «Ощущаете ли вы сейчас в том городе, районе, где вы живете, межнациональную напряженность?», – увеличилась с мая 2005 года по октябрь 2013 года с 26 до 43 % (это максимум за все время измерений). После Крыма этот показатель снизился до 33 %, диффузная агрессия была канализирована на другой предмет – Украину. О возможности кровопролитных столкновений на национальной почве заявили в 2013 году 62 % (напротив, минимальный уровень тревожности, связанной с этническими конфликтами и опасностью погромов, отмечен был дважды – в октябре 2008 и летом 2014 года, 23 %, каждый раз после военных кампаний).

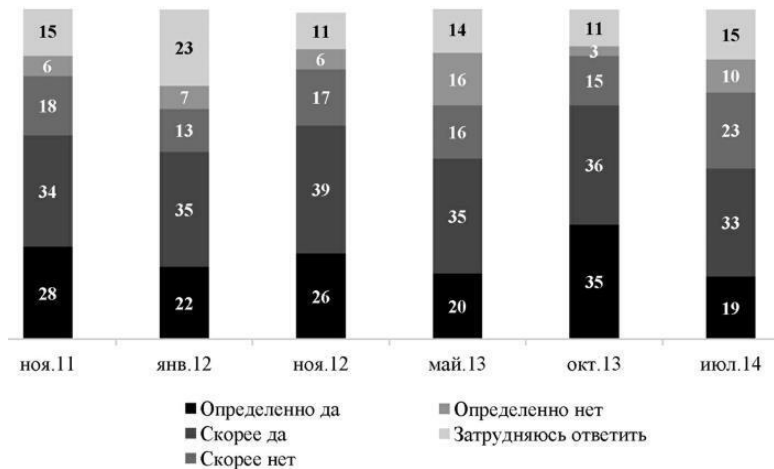

Рис. 2.1. Поддерживаете ли вы лозунг «Хватит кормить Кавказ»?

Лозунг «Хватит кормить Кавказ» на протяжении последних 3 лет поддерживали от 56 до 71 % россиян, возражали против него в среднем – 20–24 % (минимальный показатель неодобрения и несогласных с такой постановкой вопроса получен осенью 2013 года – 18 %). Украинский кризис оттянул на себя подавляемую агрессию, дав выход имперским страстям. Начиная с марта 2014 года, то есть после «Крымнаш», мнения о ситуации на Кавказе заметно улучшились, начала спадать диффузная агрессия в отношении мигрантов.

Особенностью подъема ксенофобии в последние годы ста-

ло то, что максимальные показатели агрессивного национализма и нетерпимости (по крайней мере – на словах) демонстрировали группы, обладавшие наибольшими социальными ресурсами – высоким социальным положением и уровнем образования, доходами, социальным капиталом, а значит, и большими возможностями влиять на другие слои населения. (Ранее носителями ксенофобии были социальные низы и периферийные группы населения.) Однако именно группы этого типа – условный средний класс, в котором значительную долю занимают чиновники и связанные с ними предприниматели, – раскололись после аннексии Крыма и присоединились к путинскому большинству.

Таблица 3.1

Какие чувства вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающим в вашем городе, районе?

	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Военнослужащий	Служащий	Рабочий	Учащийся, студент	Пенсионер	Домохозяйка	Безработный
Уважение	0	0	1	27	4	2	8	3	3	13
Симпатию	15	0	2	0	4	4	5	4	4	0
Раздражение	28	48	30	39	15	2	26	22	23	29
Неприязнь	19	25	27	36	38	33	29	33	16	22
Страх	0	13	8	13	3	4	7	7	11	7
Никаких особых чувств	43	43	12	16	40	35	31	38	57	40
Затрудняюсь ответить	0	0	3	0	3	2	0	4	0	3

Риторика ксенофобии и необходимости борьбы с мигрантами была в центре предвыборных дебатов всех кандидатов на местных и региональных выборах летом 2013 года. Последующие события показали, что само по себе диффузное напряжение может канализироваться только в соответствии с имеющимися в массовом сознании идеологическими направляющими, играющими роль латентных силовых полей, векторов или «стрелок», по которым и будут протекать действия, массовое поведение, мотивированные групповыми (властей или подданных) интересами.

Параметры идеологического и политического самоопределения. Самые ранние исследования, затрагивающие тематику идеологических представлений, относятся к весне 1990 года, когда собственно забрезжила перспектива радикальных институциональных изменений. В общественном мнении тогдашнего советского общества такие варианты общественно-политического и государственного устройства, как «строй свободного капитализма» (который сегодня можно было бы отождествить с либеральными взглядами), были привлекательными (или казались реалистичными) всего для 6 % опрошенных. Основная же масса отдавала свои предпочтения «демократическому социализму» в духе перестройки, с сильным упором на социальную справедливость, уравнительное распределение и правовое государство (52 %) или туманной «шведской» модели социал-демократии и общества благосостояния (25 %). Возврата к сталинской системе хотели лишь 4 %, что, как и склонность к либерализму, можно считать взглядами маргинального меньшинства.

Таблица 4.1

Каким бы вы хотели видеть советское государство в будущем?

Социалистическим государством сталинского типа	4
Демократическим социалистическим государством	52
Социал-демократическим государством шведского типа	25
Капиталистическим государством американского типа	6
Другое	4
Затрудняюсь ответить	9

Апрель 1990 года. N = 500 (русская подвыборка во всесоюзном опросе).

Но уже к концу 1990-х годов значительная часть населения, разочарованная результатами гайдаровских реформ, разуверившаяся, дезориентированная и погрузившаяся в состояние глубокой фрустрации, депрессии, отказывалась от какой бы то ни было идентификации по идеологическим или политическим критериям. На вопрос (декабрь 1998 года): «Какой из действующих в России политических сил вы лично симпатизируете?», 42 % опрошенных заявили – «никакой» (а вместе с теми, кто затруднился с ответом, доля таких «индифферентных» составила 58 %); 22 % симпатизировали «коммунистам»; 10 % – «демократам», (то есть остаткам партии реформаторов, «правым»). Свою близость к «патриотам» (национал-патриотам или «крайне правым») обозначили 3 %; столько же – «правым центристами» (3 %); «левым центристами» еще меньше – 1 %, «социалистам» – 2 %.

Таблица 5.1

Как бы вы могли определить свои политические убеждения или склонности?

	1999, IV	2002
Демократ	14	22
Патриот	14	4
Коммунист	10	10
Либерал	4	4
Социалист*	3	9*
Центрист	3	2
Консерватор	3	4
Антикоммунист	3	4
Анархист	<1	2
Другое	<1	<1
Не имею никаких политических убеждений и склонностей	38	29
Затрудняюсь ответить	12	12
Число опрошенных	3000	1600
Сумма аполитичных	50	41

* В 2002 году – социалист / социал-демократ + зеленый.
Открытый вопрос, ответы ранжированы.

Абсолютное дезориентированное большинство населения в конце периода российских реформ и перед приходом Путина к власти не поддерживало ни одно из действовавших тогда политико-идеологических течений, не идентифицировало себя с ними и не сочувствовало никому из их лидеров, дистанцируясь от большей части общественных организаций.

Поэтому легкость, с которой авторитарный режим подавил свободу политической деятельности и ввел цензуру в СМИ, объясняется в первую очередь *отсутствием* в массе населения явных политических убеждений и взглядов. Половина опрошенных в 1999 году и более 40 % в 2002 году не имели выраженных политических позиций или не смогли их артикулировать (*табл. 5.1*). Если нет убеждений, глупо ждать серьезного сопротивления со стороны общества. Контроль президентской администрации над основными информационными каналами был установлен уже в 2002–2004 годах. (Одно это уже может свидетельствовать о неразвитости, недифференцированности социума).

Поле политико-идеологических взглядов населения можно описывать как инерционное множество не очень определенных или диффузных представлений о «социализме с человеческим лицом», родившихся еще в середине 1960-х годов. Этот несколько гуманизированный советский вариант государственного патернализма предполагал наличие «социального государства», обеспечивающего «справедливое рас-

пределение национальных доходов», защиту неимущих и социально слабых групп населения⁴⁴.

Именно это коллективное подсознание, присущее поколению дефицитарной экономики брежневского застоя, определяло доминанту массовых идеологических представлений в постсоветское время. Основное умонастроение могло быть дополнено вариациями на те же темы патерналистского государства, а именно – каким образом можно достичь желаемого состояния. Одни респонденты считали свои взгляды «коммунистическими». Другие, примыкавшие к ним, говорили о себе как о сторонниках «твердой руки», способной навести «железный порядок» в стране, укротить коррупцию в среде бюрократии, подчинить олигархов, заставить их «перестать красть» и «вернуть награбленное народу», сделав бизнес «социально ответственным». Третьи определяли себя как людей с русско-патриотическими убеждениями (по сути, имея в виду ту же самую организацию власти, но ориенти-

⁴⁴ От тоталитарной идеологии, требующей от населения жертв и дисциплины во имя построения небывалого «нового общества», «светлого будущего», от утопии благосостояния и равенства остались лишь резидуумы массовых иллюзий относительно государства, которое «должно», «обязано» повернуться к обычному человеку и озаботиться повышением качества его повседневной жизни, причем не в каком-то «будущем», а «здесь и сейчас». Оправданные сомнения в отношении альтруизма местной власти и бюрократии, с которыми обычно человек имеет дело, сочетались с неуверенными надеждами на доброго правителя, отца или «лидера нации», заботящегося о народе (или превращались в них, поскольку других средств сдерживания хищничества и произвола низовых властей люди не видели; себя они в таком качестве не мыслили).

рованную на приоритеты русских). Четвертые называли себя «аграрниками» и т. п.

Людей, сознательно ориентированных на западные модели правового государства, разделения властей, защиту личных свобод, прав человека и других принципов современного демократического общества, насчитывалось (и насчитывается на всем протяжении последних 15 лет) сравнительно немного: от 7 до 12 % взрослого населения (максимум 15 % в отдельные моменты).

Поэтому можно сказать, что доктрина «суверенной» или «управляемой демократии» В. Суркова фактически ничего не искажала в этом понимании массами положения вещей, хотя и отдавала самым циническим образом риторическую дань иллюзиям либералов и демократов времен перестройки и гайдаровских реформ. Последующая политика лишь закрепила это состояние: медленное удушение конкуренции политических партий, ограничение интернета и информационного пространства, прессинг по отношению к общественным движениям и организациям гражданского общества, а стало быть – сокращение сферы публичных дискуссий до аудитории нескольких независимых изданий и интернет-порталов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.